

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт общественных наук
Кафедра всеобщей истории и методики преподавания
исторических дисциплин

**ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»
РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ (НАЧАЛО XXI ВЕКА)**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой _____
«__»_____ 2021 г

Исполнитель:
Метелева
Марина Юрьевна
Студент группы ИА-1601
очного отделения

Руководитель:
д.и.н., профессор
В. Н. Земцов

Екатеринбург 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»	16
1.1 Понимание концепции «мягкой силы»	16
1.2 Контекстуальные ограничения «мягкой силы»	21
1.3 Проблема «привлечения»: посредник и цели	24
ГЛАВА 2. КОРЕЙСКАЯ «МЯГКАЯ СИЛА»	27
ГЛАВА 3. ОБРАЗОВАНИЕ – ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ	43
3.1 Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства ...	43
3.2 Образование как эффективный инструмент корейской «мягкой силы»	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	69
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	74
ПРИЛОЖЕНИЕ	81

ВВЕДЕНИЕ

Любое государство стремится укрепить свои позиции и престиж на международной арене, а также создать благоприятные условия для своего долгосрочного социально-экономического развития. Для достижения этих целей государство использует различные инструменты внешней политики как жесткой, так и «мягкой силы»¹. Однако отмечается, что после падения биполярного миропорядка многие государства склонны использовать мягкую силу для достижения своих внешнеполитических целей. Основными причинами этой тенденции являются усиление взаимозависимости между государствами и высокая цена, которую страны платят за достижение целей внешней политики с использованием жесткой силы. В этом контексте инструменты «мягкой силы» стали занимать более эффективные позиции во внешней политике стран, и мы можем предвидеть, что эта позиция будет продолжать расти в предстоящий период.

Если мы рассмотрим роль, которую «мягкая сила» и образование играют во внешней политике государства, важно отметить, что «мягкая сила» – это концепция, разработанная в 1990 году политическим теоретиком, профессором Гарвардского университета Джозефом Наем для описания способности привлекать и убеждать, а не принуждать, при этом используя экономическую, культурную и политическую силы в качестве средств убеждения².

Культура и образование становятся одним из наиболее эффективных инструментов «мягкой силы». В соответствии с этим «мягкая сила» противопоставляется «жесткой силе», которая подразумевает использование военной силы и принуждения. Сегодня важно не только использовать военную

¹ Nye J. Smart Power // New Perspectives Quarterly, 2009. Vol. 26. Issue 2. P. 7.

² Ibid. P. 8.

силу или экономические санкции для принуждения к переменам в других странах, но также и формировать повестку дня мировой политики и быть привлекательными для людей и других государств³.

В настоящее время лидерство в мировой политике все больше определяется способностью государства помогать развитию своих соседей или конкурентов⁴. Более того, в переходный период мировой политической системы государствам приходится бороться за право определять ценностную и нормативную составляющую современного миропорядка. Конкуренция между различными ценностями и моделями национального и социально-экономического развития является одной из ключевых тенденций нового тысячелетия. Сегодня такого рода лидерство невозможно без опережающего развития человеческого потенциала – основы формирования новой экономики, основанной на знаниях. Именно поэтому многие амбициозно развивающиеся государства (такие как Бразилия, Россия, Индия и Китай), стремящиеся принять инновационную экономическую модель, уделяют особое внимание модернизации и интернационализации своих национальных систем образования⁵.

Только развитая система образования, отвечающая требованиям инновационной высокотехнологичной экономики и интегрированная в международное образовательное и научное пространство, может стать одним из главных конкурентных преимуществ современного государства в «глобальной конкуренции за умы» и привлечь наиболее талантливых иностранных студентов. Предоставление образовательных возможностей

³ Nye J. *Soft Power and Higher Education*. Cambridge: Harvard University Press, 2005. P. 5.

⁴ Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Журнал «Международные процессы». 2006. Т. 4. №3 (12). С. 12.

⁵ Nye J. *Public Diplomacy and Soft Power* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. №616 (94). P. 90.

иностранным студентам является одним из важнейших инструментов «мягкой силы» государства⁶.

Успешные иностранные студенты, которые наряду с изучением языка будут постепенно знакомиться с достижениями науки и культуры принимающей страны. Эти студенты могут получить ценный социальный капитал после обучения за границей. Следовательно, после возвращения с приобретенными знаниями и личными отношениями они, как ожидается, станут эффективными передатчиками языка и культуры страны, в которой они учились⁷. В результате эффективность воздействия на внешний мир с помощью национального образования как инструмента «мягкой силы» значительно выше, чем с помощью военной силы или других средств.

Научная актуальность данной темы заключается в том, что в настоящее время существует острая практическая необходимость в исследовании высшего образования, так как одни страны делают упор на этот инструмент, тратят огромные ресурсы на его функционирование, другие, желая улучшить свой имидж и потенциал «мягкой силы», игнорируют этот фактор, не осознавая, насколько он связан с восприятием имиджа страны за рубежом.

Объект исследования: стратегии использования высшего образования как инструмента «мягкой силы» во внешней политике Республики Корея.

Предмет исследования: особенности реализации стратегий использования высшего образования как инструмента «мягкой силы» во внешней политике Республики Корея.

Цель исследования: выявить механизмы осуществления Республикой Корея политики «мягкой силы» посредством использования высшего

⁶ Cowan G. and Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. №616 (10). P. 10.

⁷ Nye J. Soft Power and Higher Education. P. 12.

образования во внешней политике государства. Практическая цель заключается в предоставлении рекомендаций по установлению международных связей и развитию сотрудничества с учебными заведениями других стран следующим соответствующим подразделениям Министерства образования и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Для осуществления этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Рассмотреть теоретические основания концепции «мягкой силы» и подходы к ее операционализации и измерению.

2. Оценить роль образования как инструмента «мягкой силы».

3. Провести анализ стратегий (и практики) использования образования как инструмента «мягкой силы» Республики Корея.

4. Выявить ограничения и возможности использования образования в качестве инструмента «мягкой силы» во внешней политике Республики Корея.

5. Разработать рекомендации по налаживанию международных связей и развитию сотрудничества с учебными заведениями других стран Департаменту международного сотрудничества, Департаменту государственной молодежной политики и Департаменту стратегического развития Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Территориальные и хронологические рамки исследования. В рамках исследования рассматриваются внутривнутриполитические действия Республики Корея по развитию высшего образования как инструмента «мягкой силы» в период от начала президентства Но Му Хёна (25.02.2003) до избрания президентом Мун Чжэ Ина (10.05.2017). Также рассматривается внешнеполитическое воздействие Республики Корея в этот период.

Степень изученности темы. Основными источниками, раскрывающими теоретические основы концепции «мягкой силы», явились

работы Дж. Ная, М. Фрэйзера⁸, Д. Галаротти⁹, С. Льюкса, Ю. Н. Москвича¹⁰. В данных работах подробно рассмотрено понятие «мягкой силы», ее возникновение, суть самой концепции «мягкой силы».

На основе работ «мягкая сила». Как добиться успеха в мировой политике», «Подумайте еще раз: «мягкая сила» Дж. Ная, «Власть: радикальный взгляд» С. Льюкса подробно описано понятие «мягкой силы», его состав, генезис, область применения в международной политике¹¹.

Международный опыт изучения феномена корейской «мягкой силы» рассмотрен на основе статей С. Дж. Ли «Дипломатия «мягкой силы» Южной Кореи»¹² и работ, К. Ли «Теория «мягкой силы» и стратегия корейской «мягкой силы», Ч. Чуна «мягкая сила» и внешняя политика Южной Кореи: политика безопасности и стратегия в отношении Северной Кореи» и Дж. Ная «Растущая «мягкая сила» Южной Кореи».

Следует заметить, что Дж. Най собственно инструментарию «мягкой силы» и практическому ее применению в своих работах уделяет сравнительно мало внимания, ограничиваясь лишь построением теоретических схем, в соответствии с которыми должна функционировать «мягкая сила». Возможно, это просто не входит в те задачи, которые он перед собой ставит.

⁸ Fraser M. Weapons of Mass Distraction: Soft Power and American Empire. L.: Macmillan, 2014. P. 155.

⁹ Gallarotti G. Cosmopolitan Power in International Relations: A Synthesis of Realism, Neoliberalism, and Constructivism. NY: Cambridge University Press, 2010. 302 p.; Gallarotti G. The Power Curse: Influence and Illusion in World Politics. Columbia: Lynne Rienner Press, 2010. 207 p.; Gallarotti G. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used // Journal of Political Power. 2011. P. 7-10.

¹⁰ Moskvich Y. N. Diverse «Soft Power» of the Changing World: Mission and Evolution // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2015. Т. 8. № 8. P. 1667-1674.

¹¹ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY: Public Affairs, 2004. 191 p.; Nye J. Notes for a soft power research agenda // Power in World Politics. 2007. P. 206-241; Nye J. The Powers to Lead. NY: Oxford University Press, 2008. 240 p.; Lukes S. Power and the battle for hearts and minds: on the bluntness of soft power // Power in World Politics / Felix Berenskoetter and M.J. Williams, eds. Routledge, L.: 2007. P. 205.

¹² Nye J. South Korea's Growing Soft Power. Project Syndicate. NY, 2009. 190 p.; Lee G. A Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy // Korean Journal of Defense Analysis. 2009. Vol. 21. № 2. P. 205-218; Chun C. Soft Power and South Korea's Foreign Policy: Security Policy and North Korea Strategy // Diplomatic Strategy of Soft Power Seminar. Jeju Peace Institute. 16 Oct. 2009. P. 7-9; Lee S.J. South Korea's Soft Power Diplomacy // East Asia Institute Issue Briefing. 2009. № 1. P. 1.

На удаленность от практики многих работ, посвященных концепции «мягкой силы», обращают свое внимание американские исследователи М. Крёниг, М. Макадам и С. Вебер в работе «Относясь к «мягкой силе» серьезно»¹³. Авторы, предваряя свое исследование, констатируют, что утверждения Дж. Ная о важности «мягкой силы» оказали значительное влияние на теорию и практику американской внешней политики, ученые приняли эту концепцию в своих научных трудах, аналитики предпринимают попытки измерить «мягкую силу» других стран, а политические деятели признают «мягкую силу» в качестве вектора внешней политики. Однако до сих пор все это имеет место без какого-либо реального консенсуса по определению понятия «мягкая сила» и способам ее функционирования.

Относительно проблем идентификации роли «мягкой силой» высказывается и британский политолог М. Леонард¹⁴. Он полагает, что изменения, происходящие со временем в общественном мнении, можно измерить, однако трудно определить, какой именно фактор или комбинация факторов могли сыграть роль в инициировании этих изменений.

В статье Е. Харитоновой «Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки» определены основные методологические препятствия, возникающие при оценке эффективности «мягкой силы», например, продолжительность времени, необходимого для проявления эффекта «мягкой силы», искушение измерить легче всего поддающееся измерению компоненты, не исследуя более абстрактные, но важные факторы¹⁵. Кроме того, в указанной работе приведены основные международные рейтинги по оценке «мягкой силы». Исследование их методологии может внести значительный вклад в концептуализацию

¹³ Kroenig M., McAdam M. and Weber S. Taking Soft Power Seriously // Comparative Strategy. 2010. №29 (5). P. 412.

¹⁴ Leonard M. Public Diplomacy. L.: Foreign Policy Centre, 2002. P. 90.

¹⁵ Харитоновая Е. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. № 6. Июнь 2015. С. 48-58.

понятия и определение базовых критериев для оценки роли «мягкой силы». Однако они не позволяют в полной мере оценивать эффективность «мягкой» политики, так как позиционирование страны на том или ином месте требует учета ряда других факторов, таких как применение военно-силовых методов, особенности режимных характеристик, культурно-исторического контекста реализации межгосударственных отношений.

Также особое внимание автора привлекли труды таких отечественных исследователей как А. Н. Ланьков и К. В. Асмолов¹⁶. Кроме того, использованы научные работы М.М. Лебедевой, А.П. Цыганкова, публикации в ведущих российских периодических изданиях по проблематике международных отношений и мировой политики В.Е. Петровского и А.В. Манойло¹⁷. Также автор активно обращался к работам Е.Г. Пономаревой и М.А. Неймарка, в которых представлена как общая характеристика «мягкой силы» в современном мире, так и авторский взгляд на возможную эволюцию этого концепта в будущем¹⁸.

Наконец, автор при написании работы обращался непосредственно к корейским исследованиям, посвященным изучению «мягкой силы» страны и возможностей по ее развитию. Примером такого исследования является работа Исследование «мягкой силы» Кореи: совместно с институтом Сианя¹⁹, в

¹⁶ Ланьков А.Н. Быть корейцем. М.: «Восток-Запад», 2006. 542 с.; Ланьков А.Н. Корея: Будни и праздники. М.: «Международные отношения», 2000. 473 с.; Асмолов К.В. Информационный фактор на Корейском полуострове // Проблемы обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии: региональные измерения и российско-китайское сотрудничество. 2009. С. 301-321.

¹⁷ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. М., 2011. 297 с.; Лукин А.В. Публичная дипломатия // Международная жизнь. № 3. 2013. С. 85; Петровский В. «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры // Международная жизнь. 2013. № 7. С. 72-84; Манойло А. В. Роль стратегий управляемого хаоса в формировании нового миропорядка // Право и политика. 2014. № 5. С. 638-651.

¹⁸ Неймарк М. Свет и тени «мягкой силы» // Международная жизнь. 2018. №4. С. 7-11; Пономарева Е.Г. «Умная сила» и сценарии глобального развития» // Материалы VIII Конвента РАМИ 25-26 апреля 2014, Межсекционный сборник №1 «Международные отношения и мировая политика», изд-во «МГИМО-Университет», 2015. С. 46-55.

¹⁹ (The) study on Korean soft power: with the Sejong Institute of Xi'an China as the case.. URL: http://academic.naver.com/view.nhn?doc_id=79097121&addir_id=0&page=0&query=%ED%95%9C%EA%B5%AD%EC%9D%98%20%EC%86%8C%ED%94%84%ED%8A%B8%ED%8C%8C%EC%9B%8C&ndnsCategoryId=10302. (Дата обращения: 03.05.2020).

которой теоретическое осмысление «мягкой силы» Республики Кореи сочетается с непосредственно практическими предложениями по повышению эффективности данного ресурса.

Анализ источниковой базы исследования. Источниковую базу составляют словесные источники следующих видов: правовые акты и материалы официального делопроизводства²⁰. Вследствие отбора действующих государственных программ, включающих мероприятия по направлению «международное сотрудничество в сфере высшего образования», а также анализа официальных документов о деятельности институтов и ведомств, действующих в данной области, были выявлены критерии и инструменты для сравнительного анализа, а также официальная позиция акторов по проблеме использования «мягкой силы» посредством высшего образования.

В целях выполнения корреляционного и регрессионного анализа были отобраны международные рейтинги «мягкой силы», такие как «Глобальный рейтинг «мягкой силы», «Индекс страновых брендов», «мягкая сила» стран с быстро растущими рынками», «Глобальный индекс 200 стран», «Индекс национальных брендов» Саймона Анхольта. Также при исследовании «мягкой силы» были учтены статистические и аналитические отчеты соответствующих специализированных исследовательских центров. В их числе данные исследовательской группы «Монокль»²¹, рейтинги группы Transparency International²² и аналитические данные UNCTAD²³, а также международный

²⁰ Кодан С.В. Классификация источников изучения истории государства и права России: теоретические подходы, классификационные основания, характеристика видов // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 31-44.

²¹ IFG-Monocle SP Index.. URL: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2014-15/>. (Дата обращения: 05.05.2020).

²² Corruption Perceptions Index 2015.. URL: <https://www.transparency.org/cpi2015/>. (Дата обращения: 05.05.2020).

²³ UNCTAD. World Investment Report 2013.. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2013overview_en.pdf. (Дата обращения: 05.05.2020).

Soft Power Index²⁴, рейтинги RGMs и Country Brand Index компании Future Brand²⁵. Подробное изучение данных источников показало, что Республика Корея занимает высокие позиции в международных рейтингах «мягкой силы». Более того, с помощью полученных статистических данных удалось выявить, какими инструментами активно пользуется правительство Республики Корея, и какие инструменты практически не задействованы при формировании имиджа страны.

В качестве авторитетных источников также использовались материалы «The New Persuaders: A Global Ranking of Soft Power»²⁶ и K-Office за период с 2010 по 2020 гг.

Для сетевого анализа и сравнительного анализа практик международного сотрудничества были собраны данные об объемах и направлениях международной мобильности студентов из следующих источников: база данных Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) и база данных ЮНЕСКО.

Показатели имиджа страны анализировались с помощью контент-анализа медиаисточников, в первую очередь новостных агентств (Reuters, CNN, BBC News) и изданий The Economist, The New York Times. Анализировались южнокорейские СМИ Чосонильбо²⁷, Korea.net²⁸, туристический портал Korea Gateway, а также официальные сайты МИД Республики Корея и Корейского Фонда.

²⁴ Soft Power Survey 2013.. URL: <http://monocle.com/ilm/affairs/soft-power-survey-2013/>. (Дата обращения: 05.05.2020).

²⁵ FutureBrand: the Country Brand Index 2014-15. November 11, 2014. URL: <http://www.futurebrand.com/news/2014/futurebrand-launches-the-country-brand-index-2014-15>. (Дата обращения: 05.05.2020).

²⁶ The New Persuaders: An international ranking of soft power. URL: <http://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/new-persuaders-iii>. (Дата обращения: 05.05.2020).

²⁷ Business Top 10 of 2012. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2012/08/28/2012082801260.html. (Дата обращения: 17.04.2020).

²⁸ Korea.net: The official website of the Republic of Korea.. URL: <http://www.korea.net/index.jsp>. (Дата обращения: 20.02.2020).

При анализе «мягкой силы» гуманитарного капитала Республики Корея оказались полезными официальные сайты ведущих южнокорейских университетов Чусон, Пусанского технического университета, Инхва и Сеульского университета.

Кроме того, были собраны данные с официального сайта института, выполняющего функцию международного сотрудничества в системе высшего образования (Корейский институт международного образования). Также были собраны данные о международной деятельности лучших университетов мира, согласно рейтингу лучших университетов мира по версии Times Higher Education и QS World University Rankings.

Методология исследования.

Методологией данного исследования является неоинституционализм (применительно к сфере международных исследований принимает форму либерального институционализма). В нашей работе мы опирались на методологические подходы таких ученых, как М. Дойл, Р. О. Кохейн, Д. Най, а также основателей неоинституционализма Дж. Марс и Дж. Ольстен. С помощью концепции неоинституционализма мы смогли проанализировать образование как социальный институт, являющийся одновременно и объектом воздействия, и инструментом распространения влияния политических институтов Республики Корея.

Либерализм выделяет одну главную проблему в международной политике: войну. Чтобы решить эту проблему, он предлагает три решения. Первая-демократия: либералы утверждают, что демократические государства более миролюбивы со всеми другими государствами и никогда не воюют против других демократий. Это аргумент демократической теории мира. Основная причина этого заключается в том, что лидеры государств несут ответственность, и они боятся, что их не переизберут, если они пойдут на войну: «Когда граждане, несущие бремя войны, избирают свои правительства,

войны становятся невозможными»²⁹. Второе решение – это экономическая взаимозависимость. Либералы утверждают, что международная торговля связывает государства воедино, поскольку интересы одного государства становятся интересами других государств. Таким образом, война представляется слишком дорогостоящей для государств, и они предпочитают сотрудничать. Международные институты – это третье решение, предложенное либерализмом. Теория предполагает, что институты укрепляют сотрудничество между государствами и, следовательно, делают войну менее вероятной. Неолиберальный институционализм особенно рассматривает это решение: он утверждает, что международные институты способствуют сотрудничеству и ограничивают последствия анархии.

Действительно, неолибералы признают существование анархии в международной системе, но это не мешает сотрудничеству. Кеохане представляет три преимущества международных институтов в условиях анархии: они снижают затраты на координацию, повышают стоимость мошенничества и распространяют информацию³⁰. Кроме того, неолибералы считают, что государства больше озабочены абсолютными выгодами, чем относительными выгодами. Государства оценивают свои выгоды не в сравнении с другими государствами, а с учетом общих выгод, что укрепляет сотрудничество между ними. Таким образом, международные отношения могут представлять собой взаимодействие с положительной суммой, при котором каждая сторона извлекает выгоду из сотрудничества. В конце концов, Кеохан и Най разработали понятие «сложной взаимозависимости», «мира, в котором безопасность и сила имеют меньшее значение, а страны связаны многочисленными социальными и политическими отношениями»³¹. Они

²⁹ Doyle M. Liberalism and World Politics // The American Political Science Review. 1986. №80 (4). P. 1151.

³⁰ Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Chichester: Princeton University Press, 1984. P. 246.

³¹ Keohane R. and Nye J. Power and Interdependence in the Information Age // Foreign Affairs. 1998. №77 (5). P. 83.

обнаружили три условия сложной взаимозависимости: увеличение числа каналов контактов между обществами, тот факт, что правительства неохотно применяют военную силу, и то, что безопасность больше не является главной проблемой в международных отношениях.

Выбор данной методологии определяется тем, что он позволяет учитывать институциональные характеристики системы образования, ее производительности и изменения в поведении государств вовне. В рамках институциональной точки зрения, ключевым предположением является то, что институты создают элементы порядка и предсказуемости³².

Одними из задач данной работы являются оценка роли высшего образования как инструмента «мягкой силы» и анализ стратегий использования высшего образования как инструмента «мягкой силы» в политической жизни Республики Корея. Кроме того, в работе делается акцент на новые формы взаимоотношений в рамках системы высшего образования, а именно, глобальные студенческие обмены, интернационализация процессов образования, расширение сети образовательных центров, модификация нормативной базы. Такие процессы необходимо понимать и контролировать, и инициировать, чтобы институты эффективно выполняли свою роль в меняющихся условиях их существования.

В исследовании используются следующие **методы**:

- анализ научно-исследовательской литературы;
- компаративный метод (сравнительный анализ стратегий soft power в политике глобального лидерства);
- метод кейсов (анализируются конкретные примеры проявления элементов стратегии «мягкой силы» в международной политике);

³² March J. and Olsen J. Elaborating the «New Institutionalism» // The Oxford Handbook of Political Institutions / Edited by Sarah A. Binder, R. A. W. Rhodes, and Bert A. Rockman. 2008. P. 4-20.

- ивент-анализ (влияние различных международных мероприятий на имидж Республики Корея);
- метод сетевого анализа студенческой мобильности (выявление взаимосвязей и ключевых акторов на мировом рынке образовательных услуг).

В качестве основной теории была использована концепция «мягкой силы» Дж. Ная, в которой он определяет ее как «способность государства достичь желаемого не путем принуждения, а с помощью убеждения, основанного на привлекательности внешней политики, культуры и национальных ценностей». Мы предлагаем рассматривать образование как один из инструментов «мягкой силы»³³.

³³ Nye J. Soft Power and Higher Education. P. 14.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

1.1 Понимание концепции «мягкой силы»

Джозеф Най впервые представил концепцию «мягкой силы» в своей книге «Привязанный к лидерству»³⁴. С тех пор он развил эту концепцию в серии статей и книг³⁵. Краткое определение «мягкой силы» таково: «Это способность получить то, что вы хотите, с помощью привлечения, а не принуждения или платежей. Она проистекает из привлекательности культуры страны, политических идеалов и политики»³⁶. Это кажется простым и применимым к международным отношениям, политическим взаимодействиям и повседневной жизни. Если государство А разделяет те же интересы, что и государство В, а также разделяет приверженность тем же нормам надлежащего поведения для достижения этих целей (предпочтений), то логически следует, что государство А поддержит политику государства В, если эти последующие политики подтвердят и поддержат лежащие в основе взаимные цели и принятые нормы надлежащего поведения. В этой модели власть понимается как способность достигать желаемых результатов, а не как мера совокупных материальных ресурсов³⁷.

Поскольку у государства сложился позитивный имидж, основанный на его действиях, политике или на присущих ему характеристиках, другие государства тянутся к нему. Най называет этот процесс «притяжением».

³⁴ Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. NY: BasicBooks, 1990. P. 45.

³⁵ Nye J. *The Limits of America Power* // *Political Science Quarterly*, 2002-2003. №4. P. 117-120; Nye J. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. Oxford: Oxford University Press. 2003. 169 p.; Nye J. *Soft Power and American Foreign Policy* // *Political Science Quarterly*, 2004. №2. P. 119-126.

³⁶ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. NY: Public Affairs, 2004. P. 11.

³⁷ Baldwin D. *Power Analysis and World Politics: New Trends Versus Old Tendencies* // *World Politics*. 1979. №2. P. 31; Barnett M. and Duvall R. *Power in International Politics* // *International Organization*, 2005. №1. P. 59; Mearsheimer J. *The False Promise of International Institutions* // *International Security*, 1994-1995. №3. P. 19.

Джулио Галларотти называет это «нежностью»³⁸. По мере того, как государство привлекает или привлекает к себе других, даже если это не является сознательным выбором или целенаправленным действием, оно будет оказывать большее влияние на эти государства и увеличивать свою мягкую силу. Другие государства будут более охотно следовать его примеру и прислушиваться к его пожеланиям. В крайнем случае, некоторые государства могут стремиться подражать привлекательному или привлекательному государству, рассматривая его политику, ценности или институты как желательные и достойные подражания³⁹.

Учитывая эту концепцию «мягкой силы», неудивительно, что ресурсы, из которых государство извлекает мягкую силу, в меньшей степени зависят от материальных факторов, таких как военная сила или богатство. Скорее, атрибуты государства, которые привлекают других, являются в первую очередь социальными и идеологическими, включая культуру, политические ценности и внешнюю политику государства⁴⁰. Большинство определений «мягкой силы», которые также приписывают определенный уровень «успеха», по-видимому, лежат в основе этих ресурсов, что также способствует безопасности, процветанию и благосостоянию ведущей нации. Тем не менее, ресурсы, способствующие мягкой силе, в большей степени зависят от того, как государство использует свои материальные ресурсы на благо своего собственного общества и своих соседей, а не от фактического обладания или накопления этих ресурсов⁴¹.

Как видно из этого обсуждения, в изложении концепции сохраняются существенные недостатки. Один конкретный момент, который остается

³⁸ Gallarotti G. *Cosmopolitan Power in International Relations: A Synthesis of Realism, Neoliberalism, and Constructivism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 20.

³⁹ Ibid. P. 21-22.

⁴⁰ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. P. 11.

⁴¹ Ibid. P. 13.

неясным, – это взаимосвязь между ресурсами жесткой силы и мягкой силой. В аналитическом плане трудно разработать обобщаемые «причинно-следственные механизмы», которые объясняли бы, как активы жесткой силы могут быть преобразованы в влияние «мягкой силы». Учитывая формулировку Ная о мягкой силе, кажется очевидным, что накопление ресурсов жесткой силы (мощной и эффективной военной и надежной и растущей экономики) создаст привлекательность⁴². Конечно, отсутствие этих фундаментальных активов для любого государства не вызвало бы особого восхищения, но представляется более вероятным, что природа этих важных материальных возможностей и то, как они используются данным государством, в конечном итоге являются основными движущими силами «мягкой силы».

Поэтому уровни индустриализации, технического прогресса, возможности для восходящей мобильности, относительное равенство, приверженность социальному обеспечению и способность государства эффективно регулировать и извлекать необходимые ресурсы из внутреннего рынка для критически важных инвестиций могут быть потенциальными критериями для других государств для оценки привлекательности экономики другого государства. С точки зрения военной мощи, инновации, эффективность и профессионализм могут быть ключевыми представлениями, которые порождают позитивные взгляды в других государствах, но приверженность этих сил защите общих благ будет важным фактором. Если другие государства видят ощутимые выгоды, предоставляемые вооруженными силами ведущего государства (поддержание свободы судоходства и торговли, содействие региональной стабильности, приверженность миротворческим или гуманитарным операциям и т.д.), то они могут рассматривать эти активы жесткой силы как позитивный,

⁴² Ibid. P. 11.

привлекательный элемент, а не угрозу. Таким образом, мы можем понять, как ее бывшие союзники и противники (и их соответствующее население) во Второй мировой войне оценили лидерство Соединенных Штатов во время холодной войны, несмотря на их подавляющие возможности жесткой силы. Но мы также можем понять, как это может занять время.

Важно отметить, что эта конструкция мягкой или «кооперативной» власти действует на более глубоком уровне, чем принуждение или побуждение. Последние две политики направлены на изменение поведения субъекта либо путем угрозы увеличения затрат на потенциальное действие, либо путем увеличения потенциальных выгод, которые могут быть получены в результате отказа от этого действия⁴³. Оба стремятся изменить то, что субъект в противном случае предпочел бы сделать, изменив свои расчеты предполагаемых затрат и выгод, используя жесткую власть или материальные ресурсы. Но ни один из подходов не меняет лежащих в основе интересов или предпочтений актора. Принуждение и негативные санкции или позитивные стимулы могут влиять на субъекта, изменяя воспринимаемые выгоды от предыдущей стратегии, и, таким образом, способствовать изменению поведения. Но субъект все равно может предпочесть предыдущую стратегию, предшествующую применению угроз или экономической политики. «мягкая сила» работает, влияя на то, как субъекты определяют свои цели или цели, а также средства, которые они используют для достижения этих целей⁴⁴.

Поэтому власть действует на уровне интересов, мотиваций, жизненных целей, предпочтений или стратегий достижения жизненных целей⁴⁵. Идея кооптации актора повлечет за собой трансформацию его интересов и

⁴³ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. P. 13.

⁴⁴ *Ibid.* P. 2.

⁴⁵ Moravcsik A. *Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Relations* // *International Organization*. 1997. №4. P. 51; Jervis R. *Realism, Neoliberalism, and Cooperation: Understanding the Debate* // *International Security*. 1999. №1. P. 24.

предпочтений в соответствии с интересами и предпочтениями ведущего государства. Если целевое государство разделяет одни и те же основные цели и усвоило нормы соответствующего поведения, демонстрируемые ведущим государством, то неудивительно, что цель поддержит политику ведущего государства, если эта политика совместима с этими взаимно принятыми целями и нормами⁴⁶. Государства, которые «единомышленники» в отношении основных целей и соответствующих средств их достижения, устраняют необходимость в том, чтобы лидеры угрожали или подкупали последователей. Най логически рассуждает: «Если я могу заставить вас хотеть делать то, что я хочу, тогда мне не нужно использовать кнут или пряник, чтобы заставить вас это сделать»⁴⁷. Если «мягкая сила» должна быть чем-то большим, чем просто влияние, разыгрываемое в каждом конкретном политическом взаимодействии с помощью убеждения или использования какого-то рычага, как утверждает Най, то ее влияние на поведение обязательно является косвенным. «мягкая сила» действует через интересы и предпочтения субъекта, что, в свою очередь, формирует его выбор и поведение. Най утверждает: «мягкая сила» основывается на способности формировать предпочтения других»⁴⁸.

Это может показаться подрывом объяснительной полезности «мягкой силы», но, концептуализируя ее как работу с предпочтениями, мы можем более четко понять, как она влияет на решения и поведение государств. Если ведущее государство может служить образцом для других государств, эти государства могут быть более готовы следовать его политике и формировать свою собственную, чтобы быть похожими на лидера. Этот тип механизма может в большей степени зависеть от ресурсов жесткой власти лидера и их использования (процветание, экономическое развитие, приверженность

⁴⁶ Finnemore M. International Organizations as Teachers of Norms: The United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization and Science Policy // International Organization. 1993. №4. P. 47.

⁴⁷ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. P. 6.

⁴⁸ Ibid. P. 5

защите общего достояния). В качестве альтернативы государства могут быть привлечены к лидеру по более идеологическим или, возможно, моральным причинам. Приверженность государства определенным ценностям (широкая избирательная демократия, эффективное управление, ассимиляция меньшинств, терпимость и поддержка этих ценностей за рубежом) может побудить государства последовать его примеру и принять аналогичную политику, поскольку они считают политику и действия ведущего государства соответствующими и нормативно «хорошими». Это, по-видимому, предполагает некоторую относительно сильную меру общих интересов и предпочтений, но это также представляет собой относительно независимую интересубъективную концепцию, которую можно было бы описать как «легитимность».

1.2 Контекстуальные ограничения «мягкой силы»

Два критических и неявных допущения, по-видимому, необходимы для того, чтобы «мягкая сила» решительно влияла на политику и поведение государств, как эта концепция сформулирована Наем⁴⁹. Первый относится к области применения. Най отмечает важность институтов для роли «мягкой силы», не объясняя должным образом решающую контекстуальную роль, которую они играют⁵⁰. Таким образом, представляется, что основным предположением, подразумеваемым при обсуждении влияния «мягкой силы», является степень лежащих в основе общих ценностей и интересов между акторами⁵¹. Условия, при которых мы ожидаем, что это предположение будет выполняться, скорее всего, будут найдены в относительно

⁴⁹ Kearn Jr. and David W. The Hard Truths About Soft Power // Journal of Political Power. 2011. №1. P. 4.

⁵⁰ Ibid. P. 14.

⁵¹ Gallarotti G. Cosmopolitan Power in International Relations: A Synthesis of Realism, Neoliberalism, and Constructivism. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 23-28.

институционализированной обстановке, где субъекты имеют некоторое представление об интересах, предпочтениях и возможностях других, скорее всего, полученных в результате предыдущих взаимодействий. Где «мягкая сила» может быть самой сильной, на самом деле, это в сложных, взаимозависимых системах, где нормы соответствующего поведения уже сформировались с течением времени⁵². В такой среде отклонение от установленных норм можно понимать как таковое, порождающее негативную обратную связь, которая была бы понятна как нарушителю, так и жертве и третьим сторонам. Это высокий порог общей идентичности и ценностей, которые следует принимать в межгосударственных отношениях даже в глобализирующемся мире. Например, Ричард Нед Лебоу отмечает, что убеждение «возможно только в сообществе, члены которого разделяют основные ценности», и, таким образом, предполагает общую идентичность и общие интересы⁵³. «Мягкая сила», по-видимому, требует аналогичного социального контекста. Даже в рамках Организации Объединенных Наций государства и группы государств придерживаются совершенно разных представлений о надлежащем поведении и имеют различные интересы. Возможно, в рамках такой организации, как Европейский Союз или более крупный «Запад», мы можем увидеть влияние «мягкой силы» в действии, но это вряд ли отражает более широкие модели глобальной политики⁵⁴. Однако для растущего Китая это представляет собой трудное препятствие, учитывая беспокойную историю региона и культурную неоднородность и разнообразие среди его соседей.

⁵² Baldwin D. Interdependence and Power: A Conceptual Analysis // International Organization, 1980. №4. P. 34; Keohane R. and Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977. P. 50.

⁵³ Lebow R. The Politics of Persuasion // Power in World Politics. L.: Routledge, 2007. P. 133.

⁵⁴ Checkel J. Why Comply? Social Learning and European Identity Change // International Organization. 2001. P. 55.

Как правило, в среде, где «мягкая сила», скорее всего, будет оказывать влияние, скорее всего, будут присутствовать два условия. Во-первых, и это самое важное, наличие взаимных интересов между государствами в данной системе было бы необходимым условием для того, чтобы «мягкая сила» оказывала независимое влияние на поведение государств⁵⁵. Если проблема, такая как безопасность, должна была представить два государства с противоречивыми национальными интересами, то эти интересы, вероятно, будут определять поведение государства независимо от потенциальных издержек, которые государство может понести с точки зрения имиджа. В тех случаях, когда государства разделяют значительные интересы, они больше заботятся о своей репутации в этом общем контексте и разрабатывают политику, которая укрепляет позитивный имидж среди их коллег⁵⁶. Во-вторых, в большинстве случаев мы также ожидаем относительно институционализированной и регулируемой нормой модели взаимодействия между государствами. Эти правила могут быть более или менее неформальными, но они, вероятно, были созданы для облегчения сотрудничества и содействия увековечиванию ожиданий соблюдения норм надлежащего поведения⁵⁷. Это не гарантирует сотрудничества по какому-либо конкретному вопросу, но правила необходимы для того, чтобы предоставить государствам некоторую «объективную» меру для оценки поведения (или, насколько это возможно, публично сформулированных дипломатических стратегий) их коллег. Без общепринятого свода правил такие суждения было бы трудно, если не невозможно, вынести с какой-либо реальной степенью

⁵⁵ Oye K. Explaining Cooperation under Anarchy: Hypotheses and Strategies // World Politics. 1985. №1. P. 38; Axelrod R. and Keohane R. Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions // World Politics. 1985. №38. P. 1; Lipson Ch. International Cooperation in Economic and Security Affairs // World Politics. 1984. №1. P. 37.

⁵⁶ Wendt A. «Anarchy is what States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization, 1992. P. 46.

⁵⁷ Finnemore M. and K. Sikkink «International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. №52. P. 4.

консенсуса. Правила также необходимы для выявления и наказания нарушителей. В сети пересекающихся организаций, таких как Европейский союз и НАТО, например, может существовать такой благоприятный контекст «мягкой силы». Вне такой взаимозависимой системы «мягкая сила» вряд ли будет играть важную роль именно из-за отсутствия взаимопонимания и общих норм. Усиление регионализма в Юго-Восточной Азии было отмечено расширением и углублением АСЕАН и такими событиями, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), но между Китаем, Японией, Кореей и даже между государствами АСЕАН сохраняется значительная дистанция и недоверие.

1.3 Проблема «привлечения»: посредник и цели

Даже принимая относительно институционализированный контекст, где акторы понимают общие цели и принимают общие нормы, и предполагая минимальную сложность для целей обсуждения, презентации «мягкой силы» сильно преуменьшают важность взаимодействия⁵⁸. Для каждого сообщения или выбора политики необходимо понимать не только посредника, но и аудиторию. Например, Брэнтли Уомак утверждал, что описание Наем «мягкой силы» преуменьшает важность взаимодействия между посредником и аудиторией⁵⁹. В любой момент времени характер аудитории может быть трудно охарактеризовать, что затрудняет нашу способность разрабатывать вероятные объяснения или прогнозы относительно ее вероятных реакций на внешние сигналы. Най подчеркивает важность «добровольных переводчиков и получателей». Фактически, характер переводчиков и получателей будет играть решающую роль в определении эффективности любой конкретной политики.

⁵⁸ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. P. 16.

⁵⁹ Womack B. *Dancing Alone: A Hard Look at Soft Power // Japan Focus*. 2005. P. 35.

Для любого политического действия может существовать несколько ключевых аудиторий, часто с различными интересами и проблемами. Любое отдельное сообщение может по-разному резонировать с различными группами в одном и том же государстве и в конечном итоге может работать против интересов ведущего государства, подчеркивая центральную проблему субъективности. Понимание природы предмета будет иметь решающее значение. Более того, если сложность предполагает генерацию положительной и отрицательной обратной связи от данного политического выбора или действия, конечный результат будет в первую очередь определяться приемом целевого государства⁶⁰.

Вполне возможно, что даже тщательно продуманная, тщательно выбранная политика на самом деле создаст как положительную, так и отрицательную обратную связь, в зависимости от разнообразия интересов и ценностей целевой аудитории. Переход к рассмотрению посланников, культурных атрибутов и фундаментальных институциональных характеристик внутривнутриполитической системы государства вряд ли сильно изменится с течением времени, хотя они обеспечивают, возможно, самые прочные основы привлекательной «мягкой силы» нации⁶¹. В то же время эти факторы находятся вне контроля правительства. Таким образом, для соответствующих краткосрочных и среднесрочных соображений внутренняя и внешняя политика, вероятно, будут наиболее важными передаточными ремнями ценностей и идеалов государства⁶². Однако, как и в случае с целевым государством, эта политика является продуктом сложных и потенциально нестабильных внутривнутриполитических процессов. Не нужно заглядывать дальше последних двух лет американской внутренней политики, чтобы понять

⁶⁰ Jervis R. Complexity and the Analysis of Political and Social Life // Political Science Quarterly. 1997. №4. P. 96-97.

⁶¹ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. P. 48-53.

⁶² Ibid. P. 59

потенциальную нестабильность демократии. Чаще всего демократические государства могут подавать очень неоднозначные сигналы иностранным наблюдателям⁶³. Даже очень настроенным лидерам внешней политики, сталкивающимся с внутренней оппозицией, может быть чрезвычайно трудно реализовать согласованную повестку дня.

У разных лидеров в ведущем государстве могут быть разные подходы к решению жизненно важных вопросов. Субъективные мировоззрения будут определять предпочтительную политику и формировать поведение государства. В конечном счете, относительная власть и приоритеты различных ключевых элит, относительная автономия лидеров в разработке и реализации политики, а также ограничения и возможности, предоставляемые соответствующими институтами, станут критическим эмпирическим вопросом, на который необходимо ответить, что еще больше затруднит способность разрабатывать обобщаемые объяснения или прогнозы⁶⁴. Понимание с любой степенью уверенности того, как будет интерпретироваться конкретная политика в данном государстве, является сложной задачей. С теоретической точки зрения это является основным ограничением «мягкой силы» как концепции. С практической точки зрения это обсуждение показывает, как много нам нужно знать о контексте, в котором взаимодействуют государства, чтобы попытаться понять последствия той или иной политики с точки зрения «мягкой силы». Это не маленькая задача.

⁶³ Fearon J. Signaling Foreign Policy Interests: Tying Hands Versus Sinking Costs // The Journal of Conflict Resolution. 1997. №12. P. 41; Fearon J. Signaling Versus the Balance of Power and Interests: An Empirical Test of a Crisis Bargaining Model // The Journal of Conflict Resolution. 1994. №2. P. 38.

⁶⁴ Rosecrance R. and Stein A. The Domestic Bases of Grand Strategy. Ithaca: Cornell University Press, 1991. P. 100.

ГЛАВА 2. КОРЕЙСКАЯ «МЯГКАЯ СИЛА»

Политики Сеула начали использовать концепцию «мягкой силы» в последние годы, и они нашли ее привлекательным инструментом внешней политики. После окончания Корейской войны Южная Корея стремилась создать свою «жесткую силу» – сильную армию, чтобы сдерживать агрессивную Северную Корею, и экономический рост, чтобы вытащить Юг из нищеты. Добившись быстрого экономического развития, консолидированной демократии и примирения с Севером, Южная Корея теперь смотрит на мир с небольшого полуострова. Для политических предпринимателей, ищущих наилучший способ повысить международный авторитет своей страны, знаменитое понятие «мягкой силы» Джозефа Ная, определяемое как «способность получить то, что вы хотите, с помощью привлечения, а не принуждения или оплаты», является привлекательным⁶⁵. Научные дебаты теперь перешли к более сложному и практическому вопросу о том, как привить южнокорейской дипломатии это понятие «мягкой силы» после инаугурации правительства Ли Мен Бака. Добавив маркетинговую концепцию «брендинга» к мягкой силе, правительство учредило Президентский комитет по национальному брендингу в январе 2009 года.

Стратеги в Корее видят преимущества «мягкой силы» в достижении двух целей. Один из них заключается в укреплении международной политической и дипломатической мощи страны, которая слаба по сравнению с ее жесткой силой. С точки зрения экономического положения Южная Корея занимает третье место по величине экономики в мире, а ее общая военная мощь занимает двенадцатое место в мире. Многие американские эксперты

⁶⁵ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. P. 63.

считают Южную Корею одним из немногих надежных военных партнеров⁶⁶. Зная о жесткой силе Южной Кореи, все больше корейцев теперь осознают разрыв в мягкой силе своей страны. Другая цель состоит в том, чтобы найти в мягкой силе альтернативный источник силы, который увеличит «след» Южной Кореи как в регионе, так и в мире. Цели по размеру такого следа, конечно, должны учитывать тот факт, что Корея как средняя держава никогда не может надеяться конкурировать с окружающими крупными державами Китая и Японии. Но, тем не менее, использование «мягкой силы» может показать путь к большему региональному и даже глобальному влиянию. Успех корейской культурной волны (халлю), передаваемой через телевизионные драмы и другие формы массовой культуры, способствовал этому новому мышлению.

Такое явление, как «халлю» или «корейская волна» (кор. 한류, 韓流), впервые появилось после установления дипломатических отношений между Республикой Корея и КНР в 1992 году. С 1992 по 1997 год по китайскому телевидению было показано много корейских фильмов и телешоу. С 1997 года в Пекине началось вещание программы «Seoul Music Agency», и корейская, особенно танцевальная, музыка стала популярной среди молодежи. При упоминании успеха корейской массовой культуры в корейских СМИ широко используется термин «халлю» или «корейская волна»⁶⁷. В 2009 году Дж. Най охарактеризовал это явление следующим образом: «... в конце 1990-х годов начался подъем «халлю», или «корейской волны» – растущей популярности всего корейского, от моды и кино до музыки и кухни ... В результате Южная Корея начинает разрабатывать внешнюю политику, которая позволит ей

⁶⁶ O'Hanlon M. *Unfinished Business: U.S. Overseas Military Presence in the 21st Century*. Washington, D.C.: Brookings Institution. 2008. P. 40.

⁶⁷ Смолина В. А. *Политика «мягкой силы» как инструмент геополитического влияния Республики Корея: магистерская диссертация*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2016. С. 100-119.

играть большую роль в международных институтах и сетях, которые будут иметь важное значение для глобального управления»⁶⁸. «Корейская волна» также внесла свой вклад в установление дипломатических отношений между Республикой Корея и другими государствами. Примеры включают Корейский фонд (KF; Кор. 한국국제교류재단), такие мероприятия, как конкурс устной речи корейцев, серия лекций о Корее, двусторонние форумы, музыкальные выступления традиционной корейской музыки в современном стиле и т.д.⁶⁹

В политическом сообществе Сеула некоторые критиковали новое внимание к дипломатии «мягкой силы». Они отмечают, что в значительной части дебатов отсутствует конкретное описание того, как будет выглядеть осуществление «мягкой силы». Другие утверждают, что Южной Корее лучше сначала предоставить ресурсы миру, прежде чем поспешно говорить о мягкой силе. Несмотря на резкий рост объема помощи в целях развития во всем мире, ее ОПР (официальная помощь в целях развития) по-прежнему составляет лишь скудные 0,05 процента от ее валового национального дохода, который в 2006 году составил 455,3 млн. долл. США. Это соотношение намного ниже среднего показателя в 0,3 процента, достигнутого странами-членами Комитета содействия развитию ОЭСР (КСР). Вклад Южной Кореи в миротворческие операции (ПКО) в рамках Организации Объединенных Наций или других многосторонних военных операций является более впечатляющим. К настоящему времени она направила около 30 000 солдат в рамках миротворческой деятельности в восемнадцать стран и двадцать один регион с тех пор, как она впервые направила армейских инженеров в Сомали в 1993 году. Основная часть деятельности ПКО Кореи включала отправку сотен небоевых сил в Афганистан с февраля 2002 года (запланированное

⁶⁸ Nye J. South Korea's Growing Soft Power. Project Syndicate. NY, 2009. P. 10.

⁶⁹ Korea Foundation (한국국제교류재단) (2018).. URL: <http://www.kf.or.kr/?menu=3265> (Дата обращения: 05.05.2021).

возвращение к декабрю 2012 года) и около 20 000 небоевых сил в Ирак с сентября 2004 по декабрь 2008 года. Оба эти обязательства были подкреплены резолюциями Совета Безопасности ООН. А в середине марта 2009 года корейский эсминец с солдатами спецназа на борту был направлен на Ближний Восток для сопровождения корейских судов, находящихся под угрозой захвата сомалийскими пиратами. Недавно эсминец спас голландское судно, за которым гнались пираты.

Почему стратеги Южной Кореи начали интегрировать использование «мягкой силы» во внешнюю политику, а не основывать политику на том, сколько они вкладывают денег, ресурсов и персонала? Дебаты о мягкой силе в корейской дипломатии продолжались в контексте двух других крупных дебатов. Один из них ставит под сомнение, должна ли Южная Корея улучшить свой статус, став более ответственным вкладчиком в мировое сообщество. Когда-то бедная, а теперь богатая, развитая страна, было бы лучше, если бы она сосредоточилась на оказании помощи развивающимся странам путем увеличения своей международной помощи? Однако эта добросовестная идея вернуть то, что Южная Корея должна миру, смешана с желанием увеличить свое глобальное влияние. Другие дебаты касаются того, как определить стратегическую роль Южной Кореи в регионе Северо-Восточной Азии. Окруженная сильными державами, такими как Китай, Япония и Россия, Южная Корея стремилась сбалансировать свои отношения с державами, чтобы гарантировать свое выживание и процветание⁷⁰.

В начале 1990-х годов формирующаяся после окончания холодной войны внешняя политика Южной Кореи была направлена на нормализацию отношений с бывшими социалистическими странами и расширение

⁷⁰ Ковба Д. М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» восточноазиатскими государствами // Пространство и Время. 2014. №4 (18). С. 33.

региональных связей, особенно с Китаем и Россией⁷¹. Оставаясь привязанной к своему прочному союзу с Соединенными Штатами, Корея проводила многостороннюю внешнюю политику через свое членство в Организации Объединенных Наций и других международных режимах. Как страна, зависящая от торговли, Корея строго придерживалась принципа недискриминации открытой торговли, возглавляемого ГАТТ-ВТО (Генеральное соглашение по тарифам и торговле, позднее Всемирная торговая организация). Участие в режиме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества было сочтено оправданным, поскольку оно ориентировано на «открытый регионализм». В то же время, однако, окончание холодной войны сигнализировало о заинтересованности Южной Кореи в многосторонности на основе региона, особенно в том, что касается операций по обеспечению безопасности. Южная Корея выдвинула предложение о Диалоге по безопасности в Северо-Восточной Азии (NEASED) на совещании старших должностных лиц Азиатского регионального форума 1994 года в Бангкоке. Но вместо института Северо-Восточной Азии в 1994 году был создан Региональный форум АСЕАН (АРФ), а в 1995 году был создан АСЕАН плюс три (АПТ) с добавлением Южной Кореи, Китая и Японии. После финансового кризиса 1997-98 годов корейские лидеры уделили более серьезное внимание Восточной Азии как стратегическому региону. Президент Ким Тэджун активно поддержал региональное сотрудничество, предложив создать Группу по видению Восточной Азии и Исследовательскую группу по Восточной Азии в рамках АРТ. После этих усилий президент Ро Му Хен переориентировал стратегическое внимание Кореи на Северо-Восточную Азию и выдвинул лозунг «Эра мира и процветания в Северо-Восточной Азии».» Для достижения этой цели роль Южной Кореи была пересмотрена как роль «страны-центра»

⁷¹ Ким Е. Новая Корея. СПб, 1993. С. 198.

или «регионального балансира». Когда эти роли критиковались как чрезмерно амбициозные и невыполнимые для средней державы, использовались более мягкие выражения, такие как описание Южной Кореи как «мост» или «страна сотрудничества». Столкнувшись с ростом числа двусторонних и региональных соглашений о свободной торговле, правительство Республики Корея энергично проводило в жизнь соглашения о свободной торговле во всем мире со значительным числом стран, включая Соединенные Штаты⁷².

Новое правительство Ли с самого начала выдвинуло «прагматическую дипломатию» в качестве новой формулировки своего международного подхода. С самого начала новое правительство стремилось отличить себя от предыдущих правительств, подчеркивая необходимость укрепления корейско-американского альянса, требуя от Северной Кореи большей взаимности и проводя более активную региональную и глобальную дипломатию. В ходе избирательной кампании выступали за увеличение международного вклада за счет увеличения объема финансирования ОПР и более заметного участия в операциях по поддержанию мира. Правительство Ли пообещало увеличить ОПР Южной Кореи до уровня членов Комитета помощников по развитию ОЭСР и отправить около 3000 солдат ПКО за границу. «Дипломатия международного вклада» стала восприниматься более серьезно, поскольку «Глобальная Корея» стала новым брендом публичной дипломатии. Если лозунг «Сэгехва» (глобализация) при правительстве Ким Ен Сэма (1993-1998 годы) подчеркивал расширение открытия рынков и достижение международных стандартов и норм, то «Глобальная Корея», появившаяся десять лет спустя, отражает ответственность передовой страны за реагирование на проблемы за рубежом, которые угрожают международному миру и безопасности человека.

⁷² Lee S. Korean Perspective on East Asian Regionalism // In East Asian Multilateralism: Prospects for Regional Stability / ed. Kent E. Calder and Francis Fukuyama. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2008. P. 205.

Трудно сказать, основана ли эта новая дипломатия на глубоких ценностях и содержательных идеях. Скорее, этот международный вклад, по-видимому, мотивирован стремлением повысить национальную заметность и некоторой заинтересованностью в обеспечении безопасности энергетических ресурсов. Однако корейские стратеги хорошо понимают, что усилия по укреплению международного авторитета Кореи потерпят неудачу, если ее международный вклад будет рассматриваться как простой инструмент обеспечения безопасности зарубежных энергетических ресурсов⁷³.

Международный вклад на глобальном уровне может также принимать форму двустороннего сотрудничества. Корейские лидеры обращались к необходимости сотрудничества с Японией и Китаем, а также с Соединенными Штатами в решении глобальных проблем. Как и в случае с двумя предыдущими правительствами, дальновидная политика президента Ли в отношении Японии, направленная на то, чтобы оставить позади прошлые исторические проблемы между двумя странами, была вновь нарушена и маргинализирована противоречиями в учебниках истории. В недавних двусторонних отношениях с Японией активные жесты корейского правительства часто омрачались одобрением японским правительством спорных учебников истории правого толка. По мере того как эта модель становилась рутинной, как корейское, так и японское правительства начали видеть полезность улучшения двустороннего сотрудничества путем оказания помощи развивающимся странам или совместного проведения миссий по поддержанию мира. Перевод двустороннего сотрудничества в проект регионального или глобального уровня с Японией или Соединенными Штатами, вероятно, укрепит будущую корейскую дипломатию. По состоянию на март 2009 года Корея и Япония обсуждали возможность совместной борьбы

⁷³ Ким Е. Новая Корея. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1993. С. 198.

с сомалийскими пиратами, а также оказания помощи в проектах развития в Афганистане. Оба правительства определили цель этой новой политики как «глобальный вклад».

Когда новая дипломатия Кореи начинает вносить международный вклад на двусторонней или многосторонней основе, «мягкая сила» все чаще рассматривается как привлекательный компонент внешней политики, который может сделать присутствие Кореи более приемлемым и эффективным.

В то время как корейские стратеги оценивают корейскую мягкую силу в таких отдаленных местах, как Центральная Азия, Латинская Америка и Африка, их интерес к мягкой силе был острым в контексте определения роли Южной Кореи в мире с помощью помощи «мягкой силы».

Юл Сон подчеркнул, что стратегия «мягкой силы» Южной Кореи должна быть адаптирована к ее статусу средней державы, то есть не как создателя власти, а как арбитра или брокера власти⁷⁴. Поскольку успех в роли арбитра будет зависеть от доверия со стороны конкурирующих держав, Южная Корея может иметь преимущество в этом отношении, поскольку она свободна от каких-либо исторических нарушений такой страны, как Япония, и не так устрашающа, как Китай. Он призывает Южную Корею инвестировать в региональные и глобальные общественные блага, чтобы приобрести мягкую силу. Чэсон Чун вторит этим чувствам, утверждая, что национальный имидж и ценности Южной Кореи для Глобальной Кореи должны быть процветающими, демократическими, скромными, не представляющими угрозы и культурно синкретичными, поскольку многие страны Третьего мира рассматривают Южную Корею как модель с одновременным достижением развития и демократизации. В регионе Северо-Восточной Азии, окруженном жесткой силой, Южная Корея может стать посредником в соперничестве

⁷⁴ Sohn Y. East Asia Linked through Soft Power // A paper prepared for Wiseman Round Table on Soft Power in Northeast Asia. East Asia Institute, Joongang Ilbo, and Korea Foundation. February 12. 2008. P. 97.

великих держав или даже изменить основную логику регионального порядка, опираясь на ресурсы «мягкой силы». Для этого Южной Корее необходимо генерировать политические идеи и знания и играть нормативную региональную политику, практикуя правосудие и выполняя сбалансированную роль⁷⁵.

Хотя на многие вопросы еще предстоит ответить – например, готовы ли южнокорейцы поддержать свое правительство в инвестициях в региональные и глобальные общественные блага, или же южнокорейский национализм достаточно открыт и устойчив, чтобы быть слитым с мягкой силой, – очевидно, что южнокорейские наблюдатели ожидают, что «мягкая сила» поможет Южной Корее в поисках своей идентичности и роли в региональном и мировом порядке.

Несомненно, что жесткая и «мягкая сила» Южной Кореи значительно возросла во второй половине 20-го века. В то время как траектории «жесткой силы» были сильно ориентированы правительственным сектором с относительно грандиозным и четким дизайном, «мягкая сила» Южной Кореи оказалась эффективной без четких этапов планирования. Культурные продукты Южной Кореи, институциональные условия и человеческие ресурсы приобрели значительное количество аудитории в Восточной Азии и даже за ее пределами.

Сочетание жесткой и «мягкой силы», так называемая «умная сила», станет важной темой для размышлений о будущем внешней политики Южной Кореи. Развитые страны отличаются от менее развитых тем, что они заранее разработали общую стратегию проведения внешней политики. Это непростая задача – иметь взаимосогласованное представление о каждой проблемной области внешней политики. Часто внешняя политика в отдельных областях

⁷⁵ Chun C. Branding South Korea's Foreign Policy in the 21st Century // A paper prepared for Korea Foundation International Conference on Nation Branding. November 28. 2008. P. 40.

дает результаты, неожиданные для первоначального планирования, что делает самоорганизацию национальным направлением развития. Южная Корея не отличалась от других развивающихся стран тем, что она не проводила четкую генеральную стратегию от политической, военной, экономической до культурной и внешней стратегии. Ей не хватало «мягкой силы» или знаний, чтобы предсказывать будущие ситуации и справляться со структурными ограничениями.

В начале 21-го века южнокорейские лидеры пытаются разработать более широкую и системную национальную стратегию в каждой области. В области внешней политики Южная Корея пытается продвигать более развитый грандиозный замысел, определяя долгосрочные цели внешней политики, четко определяя различные угрозы, национальную мощь и средства политики, а также взаимосвязь подкатегорий политических повесток дня⁷⁶.

Вопрос о том, как развивать мягкую силу, станет одной из важнейших повесток дня в мире, где мегатренд глобализации, информационной революции и демократизации подчеркивает важность «мягкой силы». Однако стратегия развития и использования «мягкой силы» для реализации внешнеполитических целей является сложной задачей. Поскольку определение, рабочий механизм и точные эффекты «мягкой силы» не подтверждены теоретически и в реальности, следует быть очень осторожным в использовании этого термина в реальном процессе реализации политики.

Общая стратегия во внешней политике состоит из следующих соображений: долгосрочная цель внешней политики, определение друзей и врагов, характер внешних угроз, наличие ряда политических средств, масштабы соответствующих субъектов и регионов и будущий статус страны в системе. В отличие от великих держав, которые планировали сложные

⁷⁶ Иванов Д. В. По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Южной Корее // Восток. 2013. №1. С. 75.

грандиозные стратегии и поддерживали их конкретными политическими средствами, у малых держав были трудные времена для разработки грандиозной стратегии, и еще большие трудности в ее реализации сталкивались с системными ограничениями. Из-за своего географического положения Корея оказалась зажата между тремя гигантами – Китаем, Японией и Россией – которые вечно противостоят друг другу. Поэтому Корею было сложно развивать нормальную «твердую» военную власть, достаточную для своей защиты. В самом деле, в начале двадцатого столетия эти усилия потерпели неудачу, и Корея стала японской колонией.

Южная Корея, как относительно слабая страна, не смогла выработать последовательную и долгосрочную общую стратегию во внешних делах⁷⁷. После вхождения в систему современных государств Южная Корея пострадала от конкурентного характера международных отношений между окружающими великими державами. Аналогия с Чосоном 19 века до японской колонизации способствовала формированию особой дипломатической культуры и стратегической культуры Южной Кореи. После второй мировой войны, полуостров был разделен биполярной линией «холодной войны», потребовалось вмешательство американцев и ООН для предотвращения порабощения Южной Кореи в корейской войне. Позже, несмотря на свои внушительные ресурсы твердой силы, Южная Корея осознала, что союз с такой удаленной силой, как Соединенные Штаты, играет роль, своего рода, страховки в делах с опасными соседями.

С исчезновением серьезных системных ограничений, вызванных холодной войной, Южная Корея осознала необходимость выработки общей стратегии во внешних делах⁷⁸. Быстрое экономическое развитие и

⁷⁷ Пузановский А. Г., Морозов А.П. Государственное регулирование в условиях модернизации азиатских стран. Кострома, 2002. С. 151.

⁷⁸ Ким Д. Новое начало. М., 1998. С. 24.

политическая демократизация при определенном уровне социально-культурных достижений стимулировали потребность в долгосрочной перспективе. С начала этого столетия на повестке дня стояло несколько задач внешней политики: как достичь статуса средней державы в региональной и глобальной политике; формирование видения и ценности внешней политики Южной Кореи и построение дипломатической и стратегической культуры; как определить регион, который тесно связан с национальными интересами Южной Кореи; как определить будущий временной план для реализации стратегических целей; будущая возможность расширения влияния Южной Кореи в глобальном масштабе; как установить взаимовыгодные стратегические отношения с окружающими четырьмя великими державами, способствующими выживанию Южной Кореи; как установить прочный мирный режим на полуострове путем решения северокорейских проблем; правильный путь для будущего экономического развития, производящего новые двигатели для будущего; как повысить социально-культурные достижения.

Может ли Южная Корея приблизиться к этим целям, зависит от характера международных отношений, особенно в Северо-Восточной Азии. Этот регион характеризуется особыми особенностями, отличными от других регионов, требующими особых взглядов на региональный порядок и международные отношения. Теоретически этот регион имеет следующие особенности: слаженность баланса сил и механизмов перехода власти; неполное формирование современных государственных образований; сохранение традиционных и современных переходных особенностей международных отношений во многих вопросах, таких как национализм, территориальные споры; отсутствие региональных многосторонних

механизмов сотрудничества; а затем состав различных принципов организации и конституционных структур⁷⁹.

Не имея механизмов сотрудничества в Северо-Восточной Азии, страны в этом регионе по-прежнему полагаются на самопомощь, двусторонние сети альянсов, роль внерегиональной глобальной державы, такой как США, и слабые многосторонние диалоги, такие как Шестисторонние переговоры. Быстрый переход власти, связанный с подъемом Китая и развитием России, например, усложняет сцену конкуренции за баланс сил. Более сложным является тот факт, что этот переход не происходит в типичных современных условиях. Два Китая, две Кореи и все еще не «нормальная» Япония пытаются добиться единого, или современного, статуса государственных единиц, происхождение которых лежит в первой половине 20-го века. Системное наследие восходит к 19 веку, когда идеология национализма и новая политика территориальной конкуренции начались с современной логики международных отношений. Политика памяти или политика идентичности в современном переходном периоде, а также незавершенные споры о территориальной демаркации смешиваются с современной логикой баланса сил. Развитие гражданского общества и новое движение за эффективный многосторонний диалог могут помочь решить эти проблемы. Международные отношения, ориентированные на государство, могут быть преодолены с появлением более конституционных структур типа управления, даже несмотря на то, что демократизация Китая и Северной Кореи еще не завершена⁸⁰.

Таким образом, выживание и развитие Республики Корея по большей части зависит от будущей архитектуры региональной политики в Северо-

⁷⁹ Reus-Smit C. *The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999. P. 74.

⁸⁰ Русакова О.Ф. «Soft power» как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия УрФУ. 2013. Сер. 3. № 2. С. 52-56.

Восточной Азии. До тех пор, пока основной механизм региона не будет преобразован из системы баланса сил в многосторонние сети сотрудничества, Южная Корея будет постоянно подвергаться возможному соперничеству великих держав, которое мешает ей поддерживать значимые великие стратегии. Таким образом, общая стратегия Южной Кореи во внешней политике должна трансформировать региональную политику. Очевидно, что внешние стратегии слабых держав разнообразны, как сказал Пол Шредер: захват, сокрытие, преодоление и балансирование⁸¹. Однако в условиях многополярной конкуренции, в которой используется не столько принуждение, сколько агрессия, относительно менее сильные государства, такие как Южная Корея, окажутся в центре соперничества великих держав.

В недавнем обзоре стран «Большой Двадцатки», опубликованном в газете «Чосун Илбо», фонд «Хансун» поставил Южную Корею на 13-е место среди наиболее влиятельных мировых стран. Она также заняла 9-е место в списке стран с ресурсами твердой силы, но в вопросах «мягкой силы» показала заметно худшие результаты. Говоря словами самой газеты: «Современные фабрики, высокотехнологичное оружие, развитая информационная инфраструктура коммуникаций являются ключевыми компонентами, необходимыми стране для более сильной международной конкурентоспособности». Но чтобы эти компоненты «твердой силы» стали настоящими двигателями роста и процветания страны, необходима поддержка со стороны более сложной и очень эффективной «мягкой силы».

Республика Корея имеет внушительный потенциал «мягкой силы». Корейцы иногда сравнивают свою 50-ти миллионную страну с соседями вроде Китая или супердержавами, вроде США, и делают вывод, что они не могут конкурировать с такими гигантами. Может быть, это и верно в отношении

⁸¹ Schroeder P. The Transformation of European Politics, 1763-1848. NY: Oxford University Press, 1994. P. 117.

твердой военной силы, но определенно не верно в отношении ресурсов «мягкой силы»⁸².

У Южной Кореи есть замечательная история в плане привлекательных ценностей. В 1960 году уровень экономического богатства страны был приблизительно таким же, как у Ганы – одной из наиболее богатых стран Африки, на тот момент недавно получивших независимость. Сегодня две эти страны отличаются друг от друга довольно сильно. За последующую половину столетия Южная Корея стала 11-ой по величине экономикой в мире, с доходом на душу населения, достигающим больше 15000 долларов США. Она присоединилось к ОЭСР и является важным членом «Большой Двадцатки». Страна стала домом всемирно известных марок и лидером в освоении Интернета и информационных технологий.

Еще более важным является тот факт, что Южная Корея также сумела развить демократическую политическую систему со свободными выборами и мирным переходом власти от одной политической партии к другой. В этой стране хорошо защищены права человека, так же, как и свобода слова. Южнокорейцы часто жалуются на беспорядок в их политической системе, а отчет Фонда «Хансум» присвоил Южной Корее 16-е место среди стран «Большой Двадцатки» в сфере эффективности законодательных действий, а также 17-е в вопросах политической стабильности и эффективности. Тем не менее, в то время как улучшение ситуации в этих областях, безусловно, усилило бы мягкую власть Южной Кореи, сам факт наличия открытого общества, способного привести к появлению и обсуждению такой критики, делает Южную Корею привлекательной⁸³.

Наконец, привлекательна и южнокорейская культура. Традиции корейского искусства, ремесел и кухни уже распространились по всему миру.

⁸² Nye J. South Korea's Growing Soft Power. Project Syndicate. NY, 2009. P. 7.

⁸³ Ibid. P. 8.

В основном это связано с довольно внушительным успехом корейской диаспоры в продвижении своей национальной культуры в различных странах, особенно в США.

Словом, у Южной Кореи достаточно ресурсов для создания «мягкой силы», не сдерживающей ее географических границ, которые препятствовали распространению твердой силы на протяжении всей истории страны. В результате Южная Корея начинает проектировать внешнюю политику, которая позволит ей играть более важную роль в международных институтах и сетях, необходимых для глобального управления⁸⁴.

«Мягкая сила», описанная во множестве научных работ, по сути своей не является инструментом с ограниченным набором функций. Скорее, наоборот, функционал данного средства может проявляться с ранее неизведанных сторон. Так, например, Корее удалось занять нишу основного культурного экспортера на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, которую до нее занимала Япония, со временем утратившая лидерство в данном регионе. И со временем именно Корея становится для западных обывателей неким основным лицом, представляющим Азию.

⁸⁴ Janelli R.L., Yim D. *Soft Power, Korea, and the Politics of Culture*. Institute of East Asian Studies. Berkeley: University of California, 2007. P. 70.

ГЛАВА 3. ОБРАЗОВАНИЕ – ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

3.1 Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства

Государства по-прежнему продолжают оставаться главными акторами на международной арене, их внешнюю политику необходимо рассматривать как «высокую политику», связанную с национальными интересами и безопасностью. В свою очередь М.А. Хрусталев полагает, что внешняя политика представляет собой «специфический вид общественной деятельности людей, она всегда направлена на удовлетворение определенных потребностей и определяется сформированными на основе этих потребностей внешнеполитическими интересами»⁸⁵.

Зачастую «внешнеполитические интересы» отождествляются с категорией «национальные интересы». Так, с позиции А.И. Соловьева, национальные интересы государства отражают внутренние и внешние показатели политики страны. Автор подчеркивает, что национальные интересы есть условия, благодаря которым граждане государства приобретают национальную и культурную идентичность, которая реализуется как внутри страны, так и в мировой системе в целом⁸⁶. Представители «политического реализма» и «политического либерализма» исследуют особенности национальных интересов государства. Сторонники первого направления (Г. Моргантау, Дж. Кеннан) определяют национальный интерес в категориях «мощь», «сила», где национальные интересы понимаются в геополитическом пространстве, частные интересы граждан уходят на второй план. Представители же политического либерализма (Дж. Картер, Дж.

⁸⁵ Хрусталёв М.А. Основы теории внешней политики государства. М., 1984. С. 51.

⁸⁶ Соловьев А.И. Культура власти современного российского общества. М., 1992. С. 29.

Кеннеди) под национальными интересами понимают экономическое благополучие своих граждан.

С другой точки зрения, категория «внешнеполитический интерес» является самостоятельной дефиницией⁸⁷. По критерию направленности четко разделяют внутреннюю и внешнюю политику государства. Внутренние интересы направлены на поддержку внутреннего единства, обеспечения безопасности граждан, нерушимость политического, экономического, духовного пространства страны. Внешние интересы не ограничиваются пределами национальной территории государства. Геополитические амбиции могут связываться с нарастанием мощи государства на международной арене; развитием взаимовыгодных отношений в мире; совместной борьбой с международным терроризмом. А. Малыгин полагает, что внешнеполитические интересы представляют собой внешнеполитические цели и задачи государства⁸⁸. Данный феномен тесно связан с понятием «внешнеполитические потребности», которые включают в себя внешнеполитические ресурсы, пределы реализации ресурсов, внешнеполитические цели, внешнеполитические задачи.

По территориальному распространению внешнеполитические интересы могут быть:

- глобальные (активное и полноправное участие государства в строительстве международной системы);
- региональные (обеспечение стабильного и продуктивного сотрудничества с иными государствами; закрепление военно-политических, экономических блоков);
- субрегиональные (участие в развитии интеграционных процессов).

⁸⁷ Мухаметов Р.С. Национальные интересы: сущность, трактовки и типология // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2008. № 57. Вып. 5. С. 72.

⁸⁸ Малыгин А.В. Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4. С. 94.

От характера взаимодействия выделяют совместные, параллельные и конфронтационные внешнеполитические интересы:

- совместные интересы характеризуются единством подходов субъектов международных отношений. Цель – максимальная степень сотрудничества в достижении совместно поставленных задач. Чаще всего государства сотрудничают по таким вопросам, как борьба с организованной преступностью; незаконному обороту оружия; предупреждение распространения наркотических средств; укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения;
- параллельные внешнеполитические интересы – это те интересы, которые государства стремятся решить самостоятельно, если даже цель субъектов международной системы совпадает;
- конфронтационные интересы – взаимоисключающие цели и задачи государств, данный тип интересов является источником конфликтов и угроз⁸⁹.

С точки зрения О.Н. Быкова, среди внешнеполитических интересов ведущее положение занимает безопасность государства от военных угроз, поскольку от этого зависит вопрос благополучия граждан⁹⁰. Так, еще Дж. Кеннеди отмечал, что «внутренняя политика может нанести нам поражение; внешняя политика может нас убить»⁹¹. В свою очередь, под обеспечением национальных интересов следует понимать реализацию органами государственной власти и иными акторами политической системы военных, социально-экономических, организационных, политических, правовых, информационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам

⁸⁹ Кондратов А.И. Эффективность внешнеполитической деятельности государства как объект теоретического анализа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 4.

⁹⁰ Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. М.: ИМЭМОРАН, 2010. С. 202.

⁹¹ Schlesinger A.M. The Imperial Presidency. Boston: Houghton Mifflin, 1973. P. 133.

национальной безопасности. В итоге, исходя из имеющихся национальных интересов, государство четко выстраивает свою внешнюю политику.

Военная сила занимает одно из первых мест среди традиционных способов внешней политики. Данный способ применяется в тех случаях, когда:

- иные способы, кроме военной силы отсутствуют или неэффективны;
- имеются иные способы, но роль военной силы признается более продуктивной;
- государство вынуждено ответить на военный вызов другого государства;
- сформировались условия, при которых государство может использовать военную силу без риска получить ответный удар⁹².

По словам Ю.П. Давыдова, обеспечение внешнеполитических интересов государства с помощью военных инструментов крайне сложно, поскольку государству необходимо применить такую форму реализации военной силы, которая бы наиболее соответствовала, с одной стороны, национальным интересам страны, а с другой – международной обстановке⁹³. В настоящее время многие государства используют следующие инструменты для укрепления военно-политической позиции в мировой системе: оказание военно-технической помощи иным государствам; подготовка национальных военных кадров для других государств; военное присутствие.

Иным способом реализации внешней политики среди большинства государств является экономическая сила. С точки зрения Д. Нехтейрлейна, «великие державы сегодня склоны отдавать предпочтение наращиванию экономической мощи как главному средству внешнеполитического влияния,

⁹² Мухаметов Р. С. Инструменты внешней политики России: сущность и формы реализации // *Arg.administrandi*. Искусство управления. 2010. № 2. С. 133.

⁹³ Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // *Международные процессы*. 2004. № 1 (4). С. 69.

нежели использовать в этих же целях военную силу»⁹⁴. Совокупность инструментов, которые используют государства для защиты собственных интересов, достаточно обширна. К ним относят:

- санкции – элемент правовой нормы, предусматривающий неблагоприятные последствия для субъектов, нарушившего содержащееся в такой норме правило;
- эмбарго – наложение государством запрета на ввоз другими государствами или вывоз из страны золота или иностранной валюты, отдельных видов товаров и технологий;
- блокада – ограничение внешнеэкономических связей административного субъекта, осуществляемое путем блокирования его транспортных каналов;
- предоставление льготных кредитов;
- оказание безвозмездной финансовой помощи.

Как справедливо отмечает О.М. Литвишко, наиболее эффективным способом обеспечения национальных интересов современного государства являются инструменты «мягкой силы»: превентивная дипломатия, многосторонняя дипломатия, парадипломатия⁹⁵.

Превентивная дипломатия («тихая») включает в себя комплекс мер по развитию доверия: обмены военными миссиями, выяснение неоднозначных ситуаций, миротворческие операции, создание демилитаризованных войн. Причина возникновения многосторонней дипломатии обусловлена эскалацией в современных условиях глобальных проблем, в решении которых заинтересованы многие государства, при этом решение данных проблем

⁹⁴ Wolf Ch. Jr., Rosen B. Public Diplomacy: How to Think about and Improve It.. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2004/RAND_0P134.pdf. (Дата обращения: 14.04.2020).

⁹⁵ Литвишко О.М. Политические механизмы обеспечения национальных интересов современного государства // *Фундаментальные исследования. Политические науки*. 2015. № 2. С. 40.

зависит от многих акторов международных отношений (например, ООН, ЕС, НАТО, ШОС и др.).

В свою очередь, по словам Дж. Розенау, парадипломатия демонстрирует устойчивую тенденцию разделения международной политики на «два мира» – негосударственных и государственных акторов⁹⁶. Данный вид дипломатии активизируется в деятельности внутригосударственных регионов в мировой системе, при этом каждый из них ориентируется на тесные внешнеэкономические связи с разными зарубежными государствами. Так, в зависимости от объекта парадипломатия может принимать различные формы: трансграничная – затрагивает экономическую сферу (привлечение иностранных инвестиций, расширение экспорта собственных товаров); трансрегиональная – развитие сотрудничества в образовании, культуре, науке, инновационных технологиях; глобальная – политические мотивы развития партнерских отношений⁹⁷.

В своей работе «Обреченные быть лидером: меняющаяся природа американской власти» Дж. Най характеризует концепцию «мягкой силы» как отношения между агентами власти, когда один из них оказывает влияние на другого, при этом очень важен результат поведения агентов⁹⁸. Привлечение и убеждение – основная суть «мягкой силы». Теоретик отмечает, что ресурсы «мягкой силы» заключаются в способности привлекать союзников, в то время как ресурсы «жесткой силы» ассоциируются с принуждающим поведением (подкуп, санкции, применение силы). Так, к важным инструментам «мягкой силы» американской гегемонии Дж. Най относит массивную

⁹⁶ Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. Princeton University Press, 1990. P. 404.

⁹⁷ Литвишко О.М. Политические механизмы обеспечения национальных интересов современного государства. // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-18. С. 4048-4052.

⁹⁸ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. P. 58.

коммерческую рекламу вещественных символов Америки (кока-кола, джинсы), а также американскую поп-культуру.

В современном зарубежном сообществе на сегодняшний день разрабатываются комплексные концептуальные модели «мягкой силы». Выделяют следующие ее разновидности:

- экономическая «мягкая сила» (economic soft power) – инвестиционная и финансовая привлекательность государства;
- гуманитарная «мягкая сила» (human capital soft power) – привлекательность образовательной системы, научной и технологической деятельности;
- культурная «мягкая сила» (cultural soft power) – международное признание культурного наследия государства; расширение межкультурных коммуникаций; популяризация национального языка; туристическая привлекательность;
- политическая «мягкая сила» (political soft power) – развитие политических институтов демократии; защита прав человека;
- дипломатическая «мягкая сила» (diplomatic soft power) – эффективность переговорного процесса; способность к предотвращению агрессии; нейтрализация угроз⁹⁹.

Широкое определение «мягкой силе» дает О.Г. Леонова как совокупности внешних и внутренних факторов государства¹⁰⁰. Внутренние факторы представлены следующими параметрами: качество и уровень жизни; национальная идея; идеология; менталитет; культура (театр, кинематограф, шоу-бизнес, искусство, литература); инновационный потенциал (способность генерировать идеи и технологии). К внешним факторам относят: внешнюю

⁹⁹ Holik G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. Summer 2011. Vol. 126. № 2. P. 223.

¹⁰⁰ Леонова О.Г. «Мягкая сила» – ресурс внешней политики государства // Обозреватель. 2013. № 4. С. 29.

политику государства (авторитет на международной арене); положение в глобальной иерархии; цивилизационный статус; политическую и экономическую модель государства; стратегию развития государства; информационные ресурсы страны.

В свою очередь, к основным инструментам «мягкой силы» О.Г. Леонова относит: политический пиар; инфопотоки; глобальный маркетинг; популярность языка государства в мире; позиционирование государства в глобальной иерархии; культурный обмен, спорт, туризм; публичная дипломатия; система образования; способность вести информационные войны; диалог культур, национальные диаспоры, миграционная политика¹⁰¹.

В результате эффективного использования инструментов «мягкой силы» («soft power») возможно добиться уважения и взаимопонимания на международной арене без использования инструментов «жесткой силы» («hard power»).

Также для более глубокого понимания практики реализации «мягкой силы» следует учитывать содержание «разумной силы» («smart power»). «Smart power» предполагает рациональное распределение ресурсов между «soft power» и «hard power».

Так, О.В. Столетов выделяет пять векторов, лежащих в основе «разумной силы»: упрочнение имеющихся политических альянсов и формирование новых; оказание гуманитарной помощи и технологической поддержки нуждающимся странам; развитие общественной и публичной дипломатии; грамотная экономическая интеграция (помощь бедным странам; поддержка активно развивающихся государств); распространение инноваций¹⁰².

¹⁰¹ Там же. С. 30.

¹⁰² Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: Smart power // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 173.

Государства обычно обладают целой кучей инструментов жесткой и «мягкой силы», которые они могут использовать для аутсорсинга социальных агентов, которые на этой первой фазе всего процесса власти становятся клиентами государств. И наоборот, социальные субъекты также могут передавать государства на аутсорсинг и становиться первыми агентами в двухэтапном процессе власти. Например, правозащитные НПО в демократических странах призывают свои правительства предпринять гуманитарную интервенцию в иностранную страну, которая страдает от внутренней войны. Ниже я соберу список политических инструментов, которые правительства обычно используют в процессах «мягкой силы».

Культурные мероприятия, программы обмена, вещание или преподавание языка страны и содействие изучению культуры и общества страны часто рассматриваются как инструмент «мягкой силы». Однако эти действия не производят мягкую силу непосредственно. Скорее, то, что они могут сделать, – это способствовать пониманию, воспитывать позитивные образы и распространять мифы в пользу страны-источника. Делая это, они обеспечивают первый, но важный шаг в переводе доброжелательности, красоты и блеска в мягкую силу.

Мифы являются мощным инструментом в формировании взглядов и желаний других людей. Мифы можно создавать и использовать для передачи доброты, блеска и красоты. Например, хотя экономический успех и военная победа в первую очередь не являются инструментами политики, блеск, который они передают, может быть использован для создания мифов о неизбежности и непобедимости¹⁰³.

Правительства могут создавать программы стимулирования иностранных студентов и молодежи в частности и иностранных граждан в

¹⁰³ Nye J. Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. P. 106.

целом. Доброжелательность – это основной прием, которую генерируют эти программы, но красота и блеск также могут быть продуктом. Благожелательность может проявляться еще сильнее, когда правительство тратит время, энергию и деньги на развитие иностранных партнеров, поддерживая с ними частые и тесные контакты, будь то в личном или официальном качестве. Другая форма доброжелательности осуществляется в дипломатии. Например, Пекин часто принимает у себя лидеров небольших стран, особенно из Африки и Южной Азии. Осыпаясь вниманием, эти лидеры часто бывают польщены гостеприимством Пекина. Высшие руководители Китая часто ездят в развивающиеся страны, чтобы обсудить двусторонние отношения. Сегодня дипломаты из Китая более дружелюбны и искусны в привлечении местных сообществ¹⁰⁴.

Государства могут выражать свою доброжелательность, просто уделяя внимание другим, слушая их на международных форумах или участвуя с иностранными государствами в диалогах, будь то двусторонних или многосторонних. В этом свете многосторонность – это форма доброжелательности, которую государства могут использовать для проецирования «мягкой силы». Государства могут также сигнализировать о своей благосклонности, содействуя миру. На самом деле агрессивные государства часто прибегают к риторике мира, чтобы продвигать свои благие образы и создавать миф о благости.

Хотя благожелательность может быть выражена риторически, ее сигнал будет сильнее, когда осуществляется действиями. Некоторые общие акты благожелательности – не обязательно подлинной благожелательности, но прежде всего благожелательности – включают различные формы

¹⁰⁴ Zheng D. China's Use of Soft Power in the Developing World: Strategic Intentions and Implications for the United States // Political Science Quarterly. Summer 2011. Vol. 126. № 2. P. 5.

экономической помощи, гуманитарной помощи и дипломатической поддержки.

Экономическая помощь может передаваться через ОПР и ПИИ. Но государства могут проецировать мягкую силу через предоставление экономической выгоды иностранным странам многими другими способами. Например, решение Китая не девальвировать свою валюту во время азиатского финансового кризиса 1997 года рассматривается многими комментаторами как акт доброжелательности по отношению к региональным государствам, решение, которое усилило мягкую силу Китая в регионе. Один из столпов США. мировой силой во время холодной войны, как отмечает Мид, была готовность Америки открыть свои внутренние рынки – даже на невзаимопроцентной основе – для иностранных товаров, политика, которая помогла укрепить поддержку возглавляемой США международной системы¹⁰⁵. Мид приписывает это липкой силе экономической мощи, но в сочетании с большим размером внутренних рынков США, была также щедрость Америки, выраженная в ее «готовности открыть свои рынки даже на невзаимной основе» для экспорта из других стран. В последнее время политика Китая по оказанию экономической помощи» без всяких условий «воспринимается авторитарными режимами в развивающихся странах как явный признак благожелательности. Конечно, помощь со стороны КНР не лишена ограничений, но ее условия – скажи нет Тайваню и скажи нет теории «китайской угрозы» – воспринимаются многими странами как безвредные, в то время как условия, которые западные страны придают своему предложению – уважение прав человека и демократии – представляют собой вызов, если не угрозу, авторитарным режимам.

¹⁰⁵ Mead W. America's Sticky Power // Foreign Policy. 2004. №46. P. 50.

Предоставление гуманитарной помощи – это еще один способ выражения доброжелательности и проецирования «мягкой силы». Гуманитарная помощь может предоставляться не только гражданским обществом, использующим экономические ресурсы, но и войсками, использующими военные ресурсы. Одним из главных мотивов участия некоторых развитых индустриальных государств в миротворческих операциях ООН и посредничестве в мирных переговорах является формирование у них образа ответственного, миролюбивого и великодушного члена международного сообщества, тем самым укрепляя их мягкую силу в целом¹⁰⁶. Кроме того, операции по оказанию помощи, проведенные ВМС США после цунами 2004 года в Индонезии и других пострадавших странах, помогли улучшить имидж Соединенных Штатов как хорошей страны, имидж, который пострадал в результате вторжения в Ирак годом ранее.

В то время как гуманитарная помощь часто опосредует мягкую силу косвенным образом, дипломатическая поддержка обеспечивает более прямой канал «мягкой силы». Например, приверженность Китая принципу невмешательства во внутренние дела и его голоса в пользу авторитарных режимов в международных организациях помогли ему получить более широкий и легкий доступ к природным ресурсам и внутренним рынкам этих стран. Кроме того, хотя государства часто поддерживают спорных кандидатов на постоянное место в Совете Безопасности ООН – таких, как Индия и Япония, – исходя из своих стратегических, а не конъюнктурных расчетов, но их поддержка, скорее всего, будет вознаграждена этими амбициозными кандидатами.

Проведение внутренней и внешней политики на основе нормативных принципов дает возможность проецировать мягкую силу через красоту и, в

¹⁰⁶ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. P. 10.

некоторой степени, через доброжелательность¹⁰⁷. Универсалистская культура и либеральные нормы, распространенные в западных странах, могут, по-видимому, повысить привлекательность этих обществ в глазах большинства обычных граждан во всем мире. В то время как ряд элит в развивающихся странах продолжают критиковать либеральную демократию как декадентскую форму жизни, общемировые миграционные потоки показывают, что больше людей предпочитают жизнь в либеральной демократии, чем в авторитарном обществе. Эта западная красота, которая хорошо резонировала с людьми в Восточной Европе, была главной валютой власти, которая помогла разрушить Железный занавес в 1989 году и расширить границы политического Запада до границ России в последующий период.

Точно так же на протяжении большей части 20-го века СССР и КНР, с их твердой идеологической позицией в оппозиции Западу и активной поддержкой антизападной деятельности, рассматривались многими отдельными лицами, группами и правительствами по всему миру как естественные лидеры угнетенных и эксплуатируемых народов. Сегодня, когда Китай и Россия выступают за более «демократический и справедливый» мировой порядок и отстаивают примат государственного суверенитета над правами человека, они становятся естественным выбором для многих авторитарных режимов в их поисках иностранных союзников. Следует признать, что тесные отношения между авторитарной крупной державой и меньшим авторитарным режимом не всегда мотивируются «красотой» (резонансом общих норм и целей). В некоторых случаях ключевым мотивом является благожелательность фактического невмешательства и политическая поддержка со стороны крупной державы. В некоторых других случаях крупная держава действительно вмешивается во внутренние дела меньшего

¹⁰⁷ Joffe J. The Perils of Soft Power // New York Times Magazine. May 14. 2006. P. 65.

режима – но не ради прав человека и демократии. Вместо этого он вмешивается в поддержку действующих правителей – еще одна форма благосклонности, хотя и к избранному партнеру, а не к более широкому населению. Но многие люди воспринимают избирательную доброту как более ценную, чем неизбирательную доброту¹⁰⁸.

Проведение внешней политики через международные институты и организации – это еще один канал, по которому государства сигнализируют о доброжелательности и красоте и, как следствие, проецируют мягкую силу. В институтах от вас ожидают соблюдения норм, согласованных другими, что снижает вероятность того, что вы пойдете в одиночку. В международных организациях от вас также ожидают, что вы будете прислушиваться к другим, серьезно относиться к их интересам и будете ограничены коллективными действиями. Таким образом, международные институты и организации обеспечивают арену, на которой государства могут генерировать благожелательность и коллективно применять мягкую силу. Поскольку институты определяют повестку дня, они также могут помочь удовлетворить ненасильственным образом интересы субъектов, которые изначально сформировали институты. Международные институты часто отражают ценности, причины и взгляды, искренне принятые некоторыми государствами-членами. Для этих стран международные институты являются инструментом «мягкой силы», основанной на красоте.

3.2 Образование как эффективный инструмент корейской «мягкой силы»

¹⁰⁸ Ferguson N. Think Again: Power // Foreign Policy. 2003. №13. P. 21.

ОЭСР предполагает, что к 2025 году не менее 8 миллионов иностранных студентов будут обучаться за пределами своей страны, что является поразительным числом по сравнению с 2 миллионами, зарегистрированными в 1998 году¹⁰⁹. Безусловно, рост числа студентов, обучающихся за рубежом, положительно сказывается на принимающих их странах. Иностранные студенты развивают межкультурные отношения в кампусах, где они учатся; они вносят свой вклад в местную экономику; и они часто заполняют пробелы на рынке труда, выходя в качестве высококвалифицированных работников, если они остаются после окончания учебы.

Однако, помимо этих положительных преимуществ, важно признать более тонкие выгоды для направляющих и принимающих стран. Хотя это редко упоминается, направляющие и принимающие страны используют мобильность студентов для достижения национальных целей. Китай является хорошим примером, когда страна активно продвигает международное образование для достижения своих национальных интересов с помощью «мягкой силы».

Принимающая страна выигрывает от иностранных студентов в том, что они не только учатся за границей, но и в какой-то степени усваивают местную культуру и в результате «реализуют» влияние «мягкой силы» принимающей страны.

Культура и образование становятся одним из самых эффективных инструментов «мягкой силы». В соответствии с этим «мягкая сила» противопоставляется «жесткой силе», которая подразумевает применение военной силы и принуждения. В этом аспекте важно не только использовать военную силу или экономические санкции для форсирования перемен в

¹⁰⁹ Nye J. Soft Power and Higher Education. P. 14.

других странах, но и крайне важно формировать повестку дня мировой политики и привлекать их¹¹⁰.

В настоящее время лидерство в мировой политике все больше определяется способностью государства помогать развиваться своим соседям или конкурентам¹¹¹. Более того, в переходный период мировой политической системы государства вынуждены бороться за право определять ценностную и регулятивную составляющую современного миропорядка. Конкуренция между различными ценностями и моделями национального и социально-экономического развития является одной из ключевых тенденций нового тысячелетия. Сегодня такого рода лидерство невозможно без опережающего развития человеческого потенциала – основы формирования новой экономики, основанной на знаниях. Именно поэтому многие амбициозно развивающиеся государства, стремящиеся принять инновационную экономическую модель, уделяют особое внимание модернизации и интернационализации своих национальных систем образования¹¹².

Только развитая система образования, отвечающая требованиям инновационной высокотехнологичной экономики, интегрированная в международное образовательное и научное пространство, может стать одним из главных конкурентных преимуществ современного государства в «глобальной конкуренции умов» и привлечь наиболее талантливых иностранных студентов. Обеспечение образовательных возможностей для иностранных студентов является одним из важнейших инструментов «мягкой силы» государства¹¹³.

¹¹⁰ Ibid. P. 14.

¹¹¹ Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Журнал «Международные процессы». 2006. Т. 4. №3 (12). С. 5.

¹¹² Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1999. №616 (94). P. 94.

¹¹³ Cowan G. and Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. №616 (10). P. 10.

Успешные иностранные студенты, которые вместе с изучением языка будут постепенно знакомиться с достижениями науки и культуры принимающей страны. Эти студенты могут получить ценный социальный капитал после обучения за рубежом. Следовательно, вернувшись с приобретенными знаниями и личными отношениями, они, как ожидается, станут эффективными передатчиками языка и культуры той страны, где они учились¹¹⁴. В результате эффективность воздействия на внешний мир с помощью национального образования как инструмента «мягкой силы» оказывается значительно выше, чем с помощью военной силы или других средств.

Необходимо также подчеркнуть, что система образования всегда была главным двигателем процветания того или иного государства. Ведь известно, что любое государство способно показать значительные достижения в уровне благосостояния с помощью жизнеспособного механизма образовательной системы. Ярким примером этого могут служить Сингапур, Индонезия, Малайзия и другие страны Восточной Азии¹¹⁵. В то же время система образования может быть использована как инструмент «мягкой силы» в сфере политики и геополитики. В настоящее время растет число стран, которые считают, что образование является наилучшим способом продвижения их национальных интересов на мировой арене. Так, в таких странах, как Китай, Германия, Россия, США, Турция и ряд развитых европейских стран, реализуются разнообразные программы высшего образования для компетентной и перспективной молодежи со всего мира. Особенно крупные державы впервые в истории стали уделять особое внимание и значение образовательной системе своих университетов¹¹⁶. Например, экс-президент

¹¹⁴ Nye J. Soft Power and Higher Education. P. 12.

¹¹⁵ Ibid. P. 12.

¹¹⁶ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. P. 16.

Египта Мухаммед Мурси, учившийся в Университете Южной Калифорнии, Михаил Саакашвили, учившийся в магистратуре Колумбийского университета, премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто, учившийся в Гарвардском университете, и японская наследная принцесса Масако, учившаяся в Гарвардском университете¹¹⁷. Кроме того, следует подчеркнуть, что система образования сегодня тесно переплетена с концепцией политики и/или геополитики¹¹⁸. Выпускники, обучающиеся в зарубежных странах, становятся не только высококвалифицированными кадрами в своих странах, но и могут стать так называемым «троянским конем»¹¹⁹. В скором времени разворачивающиеся политические события показали, что политические лидеры могут проявлять симпатию и благосклонность к странам, где они учились. В частности, во время Афганской войны советские чиновники заставляли афганскую политическую и интеллектуальную элиту принимать советскую идеологию с целью установления дружественного Советскому Союзу режима. Например, одним из них был Нур Мохаммад Тараки. Следует отметить, что Тараки был генеральным секретарем НДПА и лидером фракции «Халк» («Народ»). Также известно, что Советский Союз стремился познакомить афганский народ с его идеологией через просоветских афганских чиновников, которые учились в СССР. Однако чрезмерная жесткость Советского Союза и насильственное внедрение своих взглядов и идеологии сказались отрицательно, а впоследствии афганский народ почувствовал отчуждение и недоверие к Советскому Союзу и его взглядам¹²⁰. Однако в настоящее время США реализуют этот проект (образовательный проект) гораздо более деликатно. Но, самое главное торжество в том, что многие

¹¹⁷ Ibid. P. 24.

¹¹⁸ Ibid. P. 4.

¹¹⁹ Tremblay K. Internationalization: Shaping Strategies in the National Context // International Organizations Research Journal. №3 (29). 2010. P. 117.

¹²⁰ Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. С. 212.

молодые люди стремятся учиться в США. Благодаря высокому качеству образования правительство США может успешно реализовывать свою стратегию в рамках политики и геополитики не только на региональном, но и на глобальном уровне¹²¹. В настоящее время все больше стран пытаются сформировать мировую качественную и доступную систему образования для студентов со всего мира. Такие страны, как США, прекрасно осведомлены о том, что система образования является одним из важнейших инструментов в плане доминирования на мировой политической арене. Всем известно, что система образования позволяет улучшить экономическое и политическое положение страны¹²². Таким образом, если одна страна доминирует в какой-то части мира как политически, так и экономически, то это означает, что она также доминирует и в геополитическом аспекте в данной части мира.

Высшее образование является важным, хотя, возможно, недостаточно изученным путем для более мягкого влияния власти. Как утверждают Альтбах и Макгилл, «Высшее образование всегда служило международной силой, влияющей на интеллектуальное и научное развитие и распространение идей по всему миру»¹²³. Образование как инструмент реализации «мягкой силы» на международном уровне относительно мало изучено в литературе по мягкой силе в международных отношениях, хотя есть некоторые работы, обсуждающие образование в азиатском контексте. В частности, азиатские страны, такие как Республика Корея, Китай и Япония, по-разному используют свои образовательные учреждения для достижения национальных целей с помощью образовательных воздействий «мягкой силы». Без сомнения, национальные образовательные практики влияют на внутреннюю

¹²¹ Cooper R. Hard Power, Soft Power and the Goals of Diplomacy // In: Held D., Koenig-Archibugi M. American Power in the 21st Century. NY: 2004. P. 167.

¹²² Nye J. Smart Power, New Perspectives Quarterly, Vol. 26, Issue 2, 2009. P. 7.

¹²³ Altbach P. G., and McGill-Peterson P. Higher Education as a Project of America's Soft Power. In Y. Watanabe and D.L. McConnell (Eds.), Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States, 2008. P. 37.

политическую культуру и взаимодействие между людьми. Образовательная практика в Германии и Японии во время Второй мировой войны и реформы образования после войны в значительной степени влияют на отношение людей в этих странах. С тех пор практика образования в Республике Корея продолжает вызывать споры с Японией и Китайской Народной Республикой¹²⁴. В Соединенных Штатах также практика высшего образования вызвала дискуссию о том, в какой степени предубеждение профессоров к либеральным дискуссиям и противодействие консервативным точкам зрения среди студентов, изменяя культуру и идентичность для будущих поколений¹²⁵. Россия также полагается на образование для стимулирования экономического развития и передачи определенных культурных ценностей местному населению¹²⁶. Эти исследования почти не вызывают сомнений в том, что образование является важным государственным инструментом для формирования у населения страны особой идеологической и культурной идентичности.

Однако в международных отношениях использование образовательной «мягкой силы» остается недостаточно изученным. В рамках ограниченных исследований, посвященных мягкой силе и международному образованию, исследования показывают важность двух областей: направленная политика по интернационализации отечественных образовательных учреждений для поощрения иностранного участия и экспорт образовательных возможностей за рубежом для влияния на иностранное население. Интернационализация образования предполагает способность стран раскрывать свои внутренние

¹²⁴ Lee M. Textbook Conflicts and Korea-Japan Relations // Journal of East Asian Affairs. 2001. №15 (2), P. 421-446; Lee, W. A Normal State Without Remorse: The Textbook Controversy and Korea-Japan Relations // East Asian Review. 2001. №13 (3). P. 21.

¹²⁵ Groseclose T. Left Turn: How Liberal Media Bias Distorts the American Mind. NY: St. Martin's Press, 2011. P. 17; Gross N. Why Are Professors Liberal and Why Do Conservatives Care? Cambridge: Harvard University Press, 2013. P. 43.

¹²⁶ Тарева Е. Г., Тарев, Б. В. «Мягкая сила» межкультурного образования // Журнал Сибирского федерального университета. 2017. №3. С. 432.

культурные привлекательные черты иностранным студентам. Многие страны разработали программы по расширению международного культурного взаимопонимания после Второй мировой войны, такие как Информационное агентство Соединенных Штатов, Британский совет, Институты DAAD и Гете, EduGrance, Японский фонд и Программа канадских исследований в рамках министерства иностранных дел¹²⁷. Студенты, посещающие иностранные университеты, «обычно возвращаются домой с большей оценкой ... ценностей и институтов»¹²⁸. Целью многих программ была внутренняя институциональная реформа, направленная на поощрение иностранных абитуриентов в национальные университетские системы. В 2007 году Ян сообщил, что китайские университеты приняли студентов из 178 стран и за 10 лет их число увеличилось примерно с 36 000 до 110 800¹²⁹. Японское правительство создало программу, программу JET, по импорту иностранных преподавателей английского языка для реформирования начального и среднего образования, одновременно знакомя этих иностранных преподавателей с японской культурой. Вместо того, чтобы интернационализировать систему университетских школ, японское правительство предоставило иностранным студентам возможность познакомиться с японской культурой, создать сети и установить более прочные связи с Японией для использования в дальнейшей карьере. Это более подробно обсуждается позже в статье.

Во втором случае «мягкой силы» и образования страны экспортируют свои образовательные программы за границу для развития влияния «мягкой силы». Китай успешно создал такую программу, используя Институты

¹²⁷ Trilokekar R. D. International education as soft power? The contributions and challenges of Canadian foreign policy to the internationalization of higher education // Higher Education. 2010. №59 (2). P. 131.

¹²⁸ Nye J. Soft Power and Higher Education. Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. NY: 1999. P. 42

¹²⁹ Yang R. China's soft power projection in higher education // International Higher Education. 2007. №46. P. 24–25.

Конфуция, обучающие китайскому языку во всех высших учебных заведениях мира. К 2012 году в 104 странах было создано 353 института Конфуция¹³⁰. Хотя Рен приходит к выводу, что институты Конфуция вносят незначительный вклад в китайское влияние «мягкой силы», поскольку им не хватает сильного компонента культурного образования, само по себе языковое образование может представлять собой некоторое влияние «мягкой силы». Хотя это и не является предметом данной статьи, вполне возможно, что студенты, просто уделяющие время изучению иностранного языка, имеют большую склонность к взаимодействию с этой страной в будущем, что делает это влияние несколько существенным, как показано в реактивной программе, обсуждаемой позже. Как предполагает Парадайс, даже если единственная выгода для Китая через институты Конфуция включает расширение сетей и контактов для китайских университетов, это равносильно существенной выгоде для Китая¹³¹.

Исследования в области образования и «мягкой силы» явно указывают на важный потенциал влияния как на местное, так и на иностранное население. Степень успеха различных программ зависит от факторов, которые еще предстоит четко определить в литературе. До этого момента исследования влияния «мягкой силы» на образование включали в себя конкретные спонсируемые государством программы, направленные на развитие более тесных отношений с иностранным населением. Измерение степени успеха этих программ остается сложным в первую очередь из-за неясного значения культурных влияний и времени, прежде чем опыт высшего образования проявится в материальных или политических выгодах много лет спустя.

¹³⁰ Ren Z. The Confucius Institutes and China's Soft Power // Foreign Policy. 2012. №330. P. 1.

¹³¹ Paradise J. The Role of Confucius Institutes in Bolstering Beijing's Soft Power // Foreign Policy. 2009. №49 (4). P. 647.

Корея постоянно наращивает свои расходы на образование, которые сейчас достигают 5% ВВП, что является огромной суммой¹³². Справедливости ради сказать, корейцы основное внимание уделяют техническим специальностям, востребованным у работодателей по всему миру.

Как мы видим, корейцы решили сделать ставку на технологический прогресс как фактор развития. Это есть и недостаток, но и большой плюс. Недостаточность гуманитарного образования не дает сформировать класс интеллигенции, который «владел» бы умами, что выражается в невостребованности южнокорейской философии или политических исследований. В то же время, «технари», создавая свои продукты, являются лучшими рекламщиками страны, да еще и приносящими осязаемый доход. Ясное дело, что гуманитарии в Корее есть, но они не достигли мировых высот, как их «технические» собратья-ученые. Крупнейшими и лучшими университетами страны, входящими в списки лучших, являются Похангский университет науки и технологий (Pohang University of Science and Technology, 53 в списке), Korea Advanced Institute of Science and Technology (KAIST) (94), Seoul National University (124)¹³³. Множество корейских институтов открывает свои представительства по региону, например, Ханьянский университет (314 место) открывает отраслевые филиалы в Малайзии на 2500 студентов. Также Корея открывает их в Китае, собирается в Индонезии, Пакистане, Саудовской Аравии. Большинство из университетов предлагает большой выбор программ обучения, согласуемых с западными стандартами, а также обеспечивает работой своих выпускников. Распространена практика, когда концерны за свои деньги обучают студента, с обязательством работы на него по контракту.

¹³² The Korean Education Miracle Continues. URL: <http://www.topuniversities.com/university-rankings-articles/asian-university-rankings/korean-education-miracle-continues>.

¹³³ Мировой Рейтинг Университетов 2020 (World University Rankings 2020).. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2020/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats. (Дата обращения: 05.06.2020).

В Корее почти 85 процентов населения имеет по крайней мере среднее образование. На фоне стран Европы это немного, что говорит о наличии у Кореи проблем в этой сфере (в той же России – 94%). В то же время это страна с одним из самых высоких показателей по выпускникам технических специальностей и по расходам на разработку (даже больше чем у США).

Особо стоит выделить корейский институт международного образования, предоставляющий исследовательские гуманитарные разработки, налаживающий связи между университетами за рубежом и обеспечивающий приток иностранных студентов. Институт предоставляет множество программ для иностранных студентов:

1. Стипендиальная программа GKS (Global Korea Scholarship).

Стипендиальная программа правительства Республики Корея, направленная на стимулирование международных обменов в сфере образования и развития международного сотрудничества, включающая 7 программ (5 для зарубежных и 2 для корейских студентов), в том числе, полные стипендии и учебные стажировки.

2. Стипендиальная программа правительства РК для иностранных студентов.

Дать иностранным студентам возможность пройти в корейских высших учебных заведениях углубленные программы бакалавриата и магистратуры. Стипендия покрывает расходы на авиабилеты, стоимость обучения, проживания, медицинскую страховку и исследовательские гранты.

3. Программа правительства РК по поддержке иностранных студентов, обучающихся по программам студенческого обмена.

Предоставление иностранным студентам из партнерских университетов финансовой поддержки (расходы на авиабилеты, стипендия, стоимость проживания и медицинской страховки).

4. Программа по поддержке иностранных студентов, обучающихся за свой счет.

Содействие в адаптации иностранных студентов, создание положительного имиджа страны и стимулирование обучения в Корее за счет финансовой поддержки

5. Программа правительства РК по приглашению студентов из стран-партнёров.

Программа образовательного и культурного обмена по приглашению наиболее успевающих иностранных студентов, демонстрирующих лидерские качества, для более глубокого знакомства с Кореей и мотивации дальнейшего обучения в стране.

6. Стипендиальная программа GKS для стран АСЕАН в сфере нацнотехнического образования.

Программа рассчитана на студентов из 10 стран АСЕАН, обучающихся по программам бакалавриата по научно-техническим специальностям, и предоставляет возможности учебной подготовки и получения полезного опыта в Корее с тем, чтобы способствовать воспитанию будущих глобальных лидеров и углублять дружественные связи между Кореей и соответствующими странами¹³⁴.

Корея преобразовала свои показатели участия в высшем образовании из числа самых низких в самые высокие в ОЭСР в течение одного поколения, и существуют планы по увеличению и без того существенного годового бюджета на НИОКР до колоссальных 5% ВВП страны. Этот исключительный акцент на высшем образовании, возможно, соответствует только Китаю и оказал заметное влияние на успеваемость ведущих университетов Кореи за последние пять лет как в глобальном, так и в региональном масштабе.

¹³⁴ National Institute for International Education (Официальный сайт Корейского Института Международного Образования). URL: http://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_5719/contents.do. (Дата обращения: 14.04.2020).

Семь ведущих корейских университетов либо поддерживают, либо улучшают свои позиции в рейтинге QS University Ratings: Азия. Сеульский национальный университет (SNU) сохраняет свое четвертое место, заметное улучшение по сравнению с 2009 годом, когда он занял восьмое место. За тот же период SNU улучшил свой глобальный рейтинг с 47 = до 37-го и занял 30-е место в мировом рейтинге факультетов как естественных, так и социальных наук и менеджмента.

KAIST укрепляет свою репутацию крупного игрока в области науки и техники, и в этом году его региональный рейтинг повысился на одно место, заняв шестое место. KAIST также занимает 4-е место в рейтинге QS Top 50 до 50 лет и делает быстрые шаги по улучшению своего глобального положения. Заняв 132 место в первом рейтинге QS World University Rankings в 2007 году, KAIST сейчас занимает 63-е место в мире и, похоже, рано или поздно пробьется в мировую топ-50.

В результате присоединения POSTECH (7 =) к SNU и KAIST в первой десятке азиатских стран рост Кореи свидетельствует о сдвиге в региональном балансе сил, который коренится в инвестициях в высшее образование.

Тем не менее, несмотря на эти позитивные результаты, успехи корейских университетов рисуют поляризованную картину. В то время как показатели ведущих учреждений продолжают улучшаться, в корейских институтах, не входящих в топ-100, наблюдается общее снижение. Это говорит о том, что перераспределение средств на создание конкурентоспособных на международном уровне учреждений могло бы стоить того, чтобы остановить развитие институтов еще ниже.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен «мягкой силы» порождает оживленные дискуссии в экспертных сообществах России, стран Запада и Востока. На современном этапе развития теоретико-методологической базы концепта, данный феномен раскрывается с точки зрения ресурсного подхода и приобретает большую популярность как инструментальный подход к анализу внешней политики государств. Процессы глобализации стимулировали развитие политики «soft power», которая, взламывая политическую, экономическую, культурную, правовую самодостаточность национальных государств, превращает их в определенным образом структурированное мировое пространство.

Успешный опыт политической модернизации и демократического транзита является весомым инструментом для достижения глобального лидерства. К сожалению, сегодня южнокорейская общественная дипломатия делает слишком большой акцент на дипломатии культурной и не стремится использовать весь потенциал мягких ресурсов, таких как кибер-дипломатия, дипломатия помощи и медиа-дипломатия. В целом государство стремится оказывать влияние на экономическое положение в АТР, не пытаясь наладить диалог политических культур. Представляется эффективным развитие политического ресурса «soft power» для увеличения лояльности государств-соседей политическому курсу Республики Корея, а также для успешного конкурирования с претензиями КНР и Японии на региональное лидерство. Правительству Южной Кореи следует более последовательно формировать политические связи с соседними государствами. В целом низкую политическую активность Республики Корея можно объяснить спецификой региональной культуры: для азиатских государств в целом характерна закрытость и некая настороженность в отношении политики и внешнеполитических связей, поэтому единственное, чем они готовы делиться

– традиционная культура страны, представляющая для её носителей высокую ценность в силу своей уникальности и разительного отличия от западной культуры.

В настоящее время Южная Корея – это страна с развитой экономикой с высокими макроэкономическими показателями. Особенностью дискурса «мягкой силы» в Южной Корее является включение в «мягкие» ресурсы коммерческих брендов: международный успешный экспорт корейской продукции превратил коммерческие бренды в аспект «мягкой силы» дипломатии Южной Кореи. Крупнейшие южнокорейские компании, такие как Samsung, LG, Daewoo, Kia, Hyundai производят широчайший ассортимент продукции: от моторов и турбин до смартфонов и других высокотехнологичных продуктов. Успешный опыт трансформации и модернизации страны, её становление 11 экономикой мира, учитывая, что в 1960 г. уровень экономического развития Южной Кореи был сравним с экономическим развитием Ганы, сам по себе является мощным ресурсом «мягкой силы». Перспективы становления региональным экономическим лидером довольно высоки, поскольку внешнеэкономическая политика Республики Корея нацелена на усиление роли страны в экономическом содружестве АСЕАН и АТЭС.

Южная Корея активно развивает гуманитарный капитал как инструмент «soft power», создавая программы культурного обмена, студенческой и академической мобильности, подкреплённые различными образовательными, научно-исследовательскими грантами и стипендиями. Самые крупные из программ – «Глобальная Корея» и «CAMPUS Asia». Кластер образовательного туризма в Республике Корея активно развивается благодаря относительно простой процедуре получения визы и, даже, безвизовому режиму с рядом государств (например, с Россией), умеренному субтропическому климату, но главное – привлекательному имиджу загадочной и прогрессивной страны

Востока. В целях повышения туристической привлекательности правительство инициировало компанию по повышению доброжелательности местного населения в отношении иностранцев и развитию культуры гостеприимства. Стимулирование открытости самих корейцев осуществляется через программы обмена, отправку добровольцев за рубеж, волонтерских программ и создание культурных центров, где корейцы могут больше узнать о других культурах.

В целом, Республика Корея обладает обширным инструментарием «мягкой силы» и прочной ресурсной базой для становления региональным лидером Юго-Восточной Азии. В настоящее время во внешнеэкономической и внешнеполитической доктринах Республики Корея наметилась тенденция к более тесному сотрудничеству со странами АСЕАН и укреплению своего экономического влияния в АТР, что снизило роль АТЭС в стратегическом планировании Южной Кореи. Либерализация экономики и расширение южнокорейских рынков сбыта, создание долгосрочных отношений торгового сотрудничества и развитие таможенного законодательства, сокращения барьеров в отношении перемещения товаров и инвестиций – всё это ещё долго будет оставаться актуальными вопросами для Республики Корея.

Усовершенствование национальной системы высшего образования по таким параметрам как международные студенческие обмены, присутствие университетов в мировых рейтингах и распространение образовательных центров за рубежом повышает эффективность этого инструмента как компонента «мягкой силы». При этом существует ряд ограничений, способных минимизировать такие эффекты, например, политика навязывания национальных ценностей (по отношению к азиатам других национальностей) и противоположная ей политика непринятия иностранцев других рас в корейское общество.

Наконец, следует отметить, что система образования является одной из жизненно важных сфер. Высшее образование внесло свой вклад в рост демократического правительства Кореи, в течение одного поколения оно произвело трудолюбивых, квалифицированных сотрудников, которые принесли стране экономическое чудо, при этом сохранив традиционные ценности и свою приверженность модернизации, гражданственности и глобальной вовлеченности.

Поэтому деградация системы образования ведет к деградации всей страны. Также стоит отметить, что эффективность университетского образования как инструмента «мягкой силы» можно оценить только в долгосрочной перспективе. Культуре и ценностям требуется время, чтобы распространиться и укорениться, но как только они это делают, они остаются глубоко укорененными в течение длительного времени. Чтобы сделать этот внешнеполитический инструмент более эффективным, требуется терпение и упорный труд.

России есть что показать миру. Это наше образование, наука, богатый русский язык, многогранная культура с ее фольклором и региональными вариациями, уникальные национальные русские виды спорта, кулинария, духовные (православные) ценности русского народа. В то же время почти все вышеперечисленное либо не представлено, либо развито не так, как должно, из-за отсутствия серьезного внимания со стороны правительства, отсутствия хорошо спланированной и правильно выстроенной системы работы организаций в разных сферах, усилия которых направлены на ее актуализацию. Также всегда присутствует дефицит финансирования.

Для достижения эффективности образования как инструмента мягкой силы Российской Федерации необходимо артикулировать и транслировать ценности, понятные и привлекательные для граждан других стран, расширять сеть образовательных центров за рубежом, системно и многоканально

оказывать мягкое воздействие на зарубежную аудиторию на основе современного и гибкого законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. Правовые акты

1. ASEAN Political – Security Community. URL: <http://asean.org/aseanpolitical-security-community/>. (Дата обращения: 05.04.2020).
2. Credit Systems and Learning Outcomes in ASEM Member Countries // The ASEM education secretariat. URL: http://www.asemeducationsecretariat.org/imperia/md/content/asem2/events/2010berlin/2010_berlin_seminar_reader.pdf. (Дата обращения: 07.05.2020).
3. 외교부: APEC 개요 (МИД РК: Основные положения взаимодействия в рамках АТЭС). URL: http://www.mofa.go.kr/countries/regional/apec/outline/index.jsp?mofat=001&menu=m_40_70_20. (Дата обращения: 07.03.2020).

2. Материалы официального делопроизводства

1. Мировой Рейтинг Университетов 2020 (World University Rankings 2020) URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2020/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats. (Дата обращения: 05.06.2020).
2. Официальный сайт стипендиальной программы правительства Республики Корея для иностранных студентов «Study in Korea». URL: http://www.studyinkorea.go.kr/ru/main.do;jsessionid=9FBB1844F6EE0E5A8927228AB474E8C1.node_20. (Дата обращения: 01.06.2020).

3. Программы обмена фонда ASSE. URL: https://asse.com/student_countries/south_korea/. (Дата обращения: 15.04.2020).
4. 2011 Key APEC Documents. URL: http://publications.apec.org/publicationdetail.php?pub_id=1237. (Дата обращения: 14.04.2020).
5. 2015 APEC Economic Policy Report. URL: http://publications.apec.org/publicationdetail.php?pub_id=1686. (Дата обращения: 05.04.2020).
6. About CAMPUS 2016. URL: <http://www.grips.ac.jp/campusasia/en/about/>. (Дата обращения: 05.04.2020).
7. English Website of the Korean Ministry of Education. URL: <http://english.moe.go.kr/main.do?s=english>. (Дата обращения: 14.05.2020).
8. KF 글로벌센터 소개 (Официальный сайт Корейского Фонда). URL: <http://ru.kf.or.kr/?menuno=752>. (Дата обращения: 08.05.2020).
9. National Institute for International Education. URL: http://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_5719/contents.do. (Дата обращения: 14.04.2020).
10. The Korean Education Miracle Continues. URL: <http://www.topuniversities.com/university-rankings-articles/asian-university-rankings/korean-education-miracle-continues>. (Дата обращения: 29.04.2020).
11. (The) study on Korean soft power: with the Sejong Institute of Xi'an China as the case. URL: http://academic.naver.com/view.nhn?doc_id=79097121&dir_id=0&page=0&query=%ED%95%9C%EA%B5%AD%EC%9D%98%20%EC%86%8C%ED%94%84%ED%8A%B8%ED%8C%8C%EC%9B%8C&ndsCategoryId=10302. (Дата обращения: 03.05.2020).
12. 사업개요: 2014 KF 글로벌 e-스쿨 사업계획 (Деятельность Корейского Фонда: проекты «Global School» 2014). URL: <http://www.kf.or.kr/?menuno=3265>. (Дата обращения: 03.06.2020).

13. 외교부: 공공외교(서울특별시 종로구). (Официальный сайт Министерства иностранных дел и торговли Республики Корея). URL: http://www.mofa.go.kr/trade/cultural/index.jsp?menu=m_30_170. (Дата обращения: 15.03.2020).

14. 외교부: 해외안전여행(서울특별시 종로구). (Официальный сайт Министерства иностранных дел и торговли Республики Корея). URL: <http://www.mofa.go.kr/main/index.jsp>. (Дата обращения: 10.04.2020).

15. 외교부:견학.방문.교환 (Программы обмена и туризма МИД РК). URL: http://www.mofa.go.kr/national/visits/index.jsp?menu=m_50_30. (Дата обращения: 11.04.2020).

II. Литература

1. Асмолов К.В. Информационный фактор на Корейском полуострове // Проблемы обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии: региональные измерения и российско-китайское сотрудничество. 2009. С. 301-321.

2. Бобыло А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №14. С. 129-130.

3. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Журнал «Международные процессы». 2006. Т. 4. №3 (12). С. 5-15

4. Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. М.: ИМЭМОРАН, 2010. 284 с.

5. Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. №1. С. 3-24.

6. Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. № 1 (4). С. 69-80.
7. Каримова Г. Возможности применения стратегии «мягкой силы» в рамках Азиатских цивилизационных пространств // Современные международные отношения. 2009. №6. С. 35-42.
8. Кодан С.В. Классификация источников изучения истории государства и права России: теоретические подходы, классификационные основания, характеристика видов // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 31-44.
9. Кондратов А.И. Эффективность внешнеполитической деятельности государства как объект теоретического анализа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 4-18.
10. Леонова О.Г. «Мягкая сила» – ресурс внешней политики государства // Обозреватель. 2013. № 4. С. 29-32.
11. Литвишко О.М. Политические механизмы обеспечения национальных интересов современного государства // Фундаментальные исследования. Политические науки. 2015. № 2. С. 40-51.
12. Мухаметов Р.С. Национальные интересы: сущность, трактовки и типология // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2008. № 57. Вып. 5. С. 72-81.
13. Русакова О.Ф. «Soft power» как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия УрФУ. 2013. Сер. 3. № 2. С. 52-56.
14. Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: «Smart power» // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 173-178.

15. Смолина В. А. Политика «мягкой силы» как инструмент геополитического влияния Республики Корея: магистерская диссертация. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2016. 122 с.
16. Тарева Е. Г., Тарев Б. В. «Мягкая сила» межкультурного образования // Журнал Сибирского федерального университета. 2017. №3. С. 432-439.
17. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. 212 с.
18. Хрусталёв М.А. Основы теории внешней политики государства. М., 1984. 80 с.
19. Chun C. Soft Power and South Korea's Foreign Policy: Security Policy and North Korea Strategy // Diplomatic Strategy of Soft Power Seminar. Jeju Peace Institute. 16 Oct. 2009. P. 13-25.
20. Cowan G. and Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. №616 (10). P. 10-17.
21. Doyle M. Liberalism and World Politics // The American Political Science Review. 1986. 80 (4). С. 1151-1157.
22. Fraser M. Weapons of Mass Distraction: Soft Power and American Empire. L.: Macmillan, 2014. 288 p.
23. Gallarotti G. Cosmopolitan Power in International Relations: A Synthesis of Realism, Neoliberalism, and Constructivism. NY: Cambridge University Press, 2010. 340 p.
24. Gallarotti G. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used // Journal of Political Power. 2011. P. 7-10.

25. Gallarotti G. *The Power Curse: Influence and Illusion in World Politics*, Boulder, Colombia: Lynne Rienner Press, 2010. 207 p.
26. Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Chichester: Princeton University Press, 1984. 160 p.
27. Keohane R. and Nye J. *Power and Interdependence in the Information Age* // *Foreign Affairs*. 1998. №77 (5). P. 83-90.
28. Kroenig M., McAdam M. and Weber S. *Taking Soft Power Seriously* // *Comparative Strategy*. 2010. №29 (5). P. 412-431.
29. Lee G. *A Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy* // *Korean Journal of Defense Analysis*. 2009. Vol. 21. № 2. P. 205-218.
30. Lee S.J. *South Korea's Soft Power Diplomacy* // *East Asia Institute Issue Briefing*. 2009. № 1. P. 1-8.
31. Leonard M. *Public Diplomacy*. L.: Foreign Policy Centre, 2002. P. 90-98.
32. Lukes S. *Power and the battle for hearts and minds: on the bluntness of soft power* // *Power in World Politics*. 2007. P. 31-45.
33. March J. and Olsen J. *Elaborating the «New Institutionalism»* // *The Oxford Handbook of Political Institutions* / Edited by Sarah A. Binder, R. A. W. Rhodes, and Bert A. Rockman. 2008. P. 4-20.
34. Moskvich Y. N. *Diverse «Soft Power» of the Changing World: Mission and Evolution* // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 2015. T. 8. № 8. P. 1667-1674.
35. Nye J. *Notes for a soft power research agenda* // *Power in World Politics* / Felix Berenskoetter, M. J. Williams, eds. Routledge, 2007. 328 p.
36. Nye J. *Public Diplomacy and Soft Power* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. №616 (94). C. 90-94.
37. Nye J. *Smart Power* // *New Perspectives Quarterly*. 2009. Vol. 26. Issue 2. C. 7-12.

38. Nye J. *Soft Power and Higher Education*. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 202 p.
39. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. NY: Public Affairs, 2004. 191 p.
40. Nye J. *South Korea's Growing Soft Power*. NY: Project Syndicate, 2009. 190 p.
41. Nye J. *The Powers to Lead*. NY: Oxford University Press, 2008. 240 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рекомендации по налаживанию международных связей и повышению привлекательности российского образования Департаменту международного сотрудничества, Департаменту государственной молодежной политики и Департаменту стратегического развития Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

1. Российскую систему образования можно было бы сделать более конкурентоспособной за счет реализации эффективной стратегии экспорта образования. В контексте приоритетов внешней политики России одним из главных политики России является повышение роли страны как ключевого образовательного центра в СНГ. Россия обладает значительными преимуществами в СНГ по привлекательности для иностранных студентов (соотношение цены и качества, язык обучения, репутация университета, географическая близость).

Успех интернационализации российской системы образования и вхождения в единое европейское пространство высшего образования будет зависеть от прогресса в отношениях между Россией и ЕС, а также от последовательных усилий по созданию общего пространства в экономике, внутренней и внешней безопасности, образовании, науке и культуре. Укрепляя отношения с Соединенными Штатами и Канадой, а также двусторонние и многосторонние связи с Бразилией, Индией, Китаем и Южной Африкой, в том числе в рамках БРИКС, Россия получит больше возможностей для укрепления экспортного потенциала своей системы образования на мировых рынках образовательных услуг и интеграции российского образования в единое мировое образовательное пространство.

Одним из перспективных направлений сотрудничества в области образования может стать Азиатско-Тихоокеанский регион, учитывая

укрепление Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и ее инициативу по созданию сети партнерских отношений со всеми интеграционными объединениями.

2. Чтобы эффективно развиваться и конкурировать за лучшие умы и высококвалифицированные кадры, российские университеты должны видеть себя частью международного образовательного пространства. Однако не все российские университеты сегодня могут быть частью этой интернационализации высшего образования. Одной из проблем является языковой барьер, особенно для провинциальных университетов. Сеть академических и студенческих обменов может работать только в том случае, если наши преподаватели, доценты и преподаватели свободно владеют иностранными языками и могут свободно читать лекции, проводить семинары, оценивать работу иностранных студентов или помогать российским студентам в усвоении материалов на иностранном языке.

Язык преподавания является важным фактором в этой интернационализации. Считается, что англоязычные программы настолько популярны среди иностранных студентов, что такие страны, как Германия, Италия, Нидерланды, Дания и даже Франция, начали предлагать программы на английском языке. Другими словами, преподавание на иностранном языке больше не роскошь, а необходимость, если университеты хотят оставаться конкурентоспособными.

3. До сих пор в российских университетах было очень мало совместных образовательных программ или программ на иностранных языках, а также совместных международных исследований, направленных на интернационализацию содержания учебных программ. И здесь еще одним приоритетом является создание двусторонних и многосторонних программ с зарубежными университетами и, в частности, совместных программ магистратуры и аспирантуры с ведущими европейскими университетами. Их

выпускники получают дипломы двух или даже трех университетов одновременно, обучаясь в России и в университетах-партнерах за рубежом. Такая принадлежность к различным национальным школам станет серьезным стимулом для развития человеческого капитала и конкурентоспособности учащихся.

4. Рейтинги университетов стали неотъемлемой частью глобальной системы высшего образования. Они выполняют важные функции по поддержке коммуникаций, информированию пользователей услуг об университетах и выступают в качестве инструментов прозрачности и формирования имиджа университетов на национальном и международном уровнях. Ведущие российские университеты изо всех сил пытаются встать в один ряд с ведущими международными поставщиками услуг из-за их слабого присутствия в международных рейтингах университетов, таких как Академический рейтинг мира (Шанхайский рейтинг), Рейтинг университетов мира QS или Рейтинг университетов мира Times Higher Education.

Очевидно, что российские университеты могут испытывать дискомфорт из-за давно сложившейся системы показателей и индексов, публикуемых зарубежными рейтинговыми агентствами, и некоторые причины их эффективности находятся вне контроля самих университетов. Но в результате мы часто слышим призывы к созданию собственных национальных рейтингов или критике международных оценок. Это кажется ясным: должны быть национальные рейтинги, по крайней мере для того, чтобы начать создание условий для более объективной и содержательной оценки высшего образования на государственном уровне. Это может привести к изменению списка ста лучших университетов. Но было бы контрпродуктивно делать вид, что российские высшие учебные заведения могут продолжать использовать другую шкалу ценностей в эти времена такой бешеной глобальной конкуренции на рынке образования.

5. Большинство показателей глобальных рейтингов включают оценку уровня исследований на основе публикаций университета в рецензируемых международных журналах (в списках Web of Science или Scopus), где один совокупный показатель охватывает как образование, так и исследования, проводимые университетом. Однако российские университеты недостаточно интегрированы в глобальную систему публикаций международных журналов.

Если мы хотим повысить этот индекс цитирования исследований, мы должны более активно участвовать в интернационализации академической жизни, в частности, за счет повышения академической мобильности, стажировок в зарубежных и международных исследовательских центрах, а также публикации академических и научных достижений, включая совместные статьи с иностранными учеными и учеными в ведущих зарубежных журналах. Кроме того, долгосрочные контракты с иностранными профессорами, которые часто публикуются в зарубежных рецензируемых журналах, могли бы помочь России стать более интернационализированной.